

Анна Рэндол
Грехи негодяя
Серия «Трио грешников», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8110021
Грехи негодяя: роман : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083533-1

Аннотация

Когда-то Клейтона Кэмпбелла коварно предала та, которую он любил больше всего на свете, – красавица Оливия Свифт. Британское правительство спасло шотландца от верной гибели, однако взамен предложило смертельно опасную «тайную службу его величества».

Прошли годы, наивный юный Клейтон превратился в одного из лучших мастеров своего дела, рискующего жизнью, но всегда мечтал лишь об одном – вернуться и отомстить.

Однако встреча с прекрасной изменницей вновь разожгла в его сердце пламя незабытой страсти...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анна Рэндол

Грехи негодяя

Роман

Пролог

*Бумажная фабрика Свифта,
Англия, 1807 год*

Оливия крадучись проскользнула через помещения фабрики к задней двери, крепко сжимая в кулаке записку.

– Клейтон?

Ответа не последовало. Возможно, он не ожидал, что она так быстро поймет его шифр. А зря. Записка была очень короткой, и в ней не было обычных признаний в любви. Оливии потребовалось всего пять минут, чтобы понять: он хотел встретиться с ней на их обычном месте – под большим деревом за фабрикой ее отца.

Она прислонилась к толстому стволу и оправила подол платья – чтобы не спадал красивыми складками. Чувствуя себя отчаянно смелой, она дернула за лиф – так, чтобы декольте стало на дюйм ниже. На следующей неделе у Клейтона день рождения, и она пообещала ему особенный подарок. Не было никаких причин не доставить ему маленькое удовольствие заранее.

– Оливия?

Ее сердце на мгновение замерло, потом радостно затрепетало – так было всегда при звуках его голоса. Она устремилась к любимому раньше, чем вспомнила, что намеревалась оставаться у дерева, где специально принимала соблазнительные позы. Но возвращаться назад было поздно, поэтому она подбежала к нему и обвила руками его шею.

Клейтон не закурил ее, как обычно, и не поцеловал, а лишь крепко прижал к себе и зарылся лицом в ее волосы.

– Что случилось, Клейтон? – Оливия чуть отстранилась и погладила его по щеке и подбородку. Ей нравилось чувствовать – нет, не щетину, а слабый намек на нее; ни один из служащих ее отца пока не мог похвастаться бородой. – Может, Том опять заявил, что не будет носить твои записки? Можешь передать ему, что если он хочет оставаться...

– Дело вовсе не в Томе. – Клейтон нахмурился и сразу стал выглядеть старше своих семнадцати лет.

О небо! Глядя на него, она всегда чувствует восхитительную дрожь во всем теле!

Оливия кокетливо взглянула на юношу из-под ресниц. Обычно он при этом смеялся, утверждая, что ресницы, должно быть, загораживают ей обзор. Но теперь он даже не улыбнулся, и Оливия насторожилась.

– Тогда зачем ты хотел меня видеть? Говори!

Он долго вглядывался в ее милое лицо, наконец заявил:

– Как бы я хотел позвать тебя сюда, чтобы целовать! Как бы хотел увезти тебя на край света!

Клейтон часто бывал слишком серьезным. Но Оливии еще ни разу не доводилось видеть его по-настоящему расстроенным.

– Все дело в твоей матери? Она вызывает тебя домой?

– Нет. – Он сделал шаг назад, запустил пятерню в ее волосы и стал перебирать шелковистые пряди.

Он отошел от нее? По собственной воле? А ведь Клейтон всегда желал быть к ней как можно ближе – хотел держать ее за руки, целовать, ласкать...

– Что с тобой, Клейтон?

Он молча полез в карман своего черного жилета и достал... банкноту? Оливия не сдержала вздоха разочарования. Если он решил сделать ей такой подарок, то очень ошибся. В конце концов, фабрика ее отца печатала банкноты для Английского банка. Так что Оливия видела их даже слишком много. Нет, она предпочитала подарки яркие и блестящие – чтобы можно было надеть на пальцы, на шею или украсить уши...

Клейтон протянул ей банкноту. Пятьдесят фунтов.

Оливия в растерянности заморгала. Пятьдесят фунтов – это больше, чем юноша зарабатывал за год.

– Наша продукция, – пояснил он.

Девушка внимательно осмотрела банкноту.

– Да, верно. – Она, можно сказать, выросла на фабрике и всегда могла узнать ее продукцию.

Клейтон забрал у нее деньги.

– Я хочу тебе кое-что сказать, но ты должна дать слово, что сохранишь мои слова в тайне.

– Конечно.

– Нет, ты должна дать торжественное обещание, что не проболтаешься, каким бы ни было искушение.

Оливия почувствовала странную пустоту в груди.

– Я же пообещала, разве нет?

Юноша закрыл глаза, и его красивое лицо исказилось, словно от боли.

– Банкнота настоящая, но она не должна существовать. Фабрика получила заказ на тысячу штук. А мы напечатали тысячу десять.

– Чей-то недосмотр?

– Я проверил записи. Наша фабрика не впервые печатает несколько больше банкнот, чем заказано.

Теперь уже Оливия сделала шаг назад.

– Наверное, иногда случаются ошибки, – в растерянности пробормотала она. – Это ошибка или... – Других причин она придумать не смогла.

Клейтон подошел к ней вплотную.

– Слушай меня внимательно. – Он откашлялся. – Окончательный подсчет банкнот выполняет твой отец. Я нашел эту... и еще десять штук в его кабинете.

Папа?... Конечно же, Клейтон ошибся! Кроме того, папа и так богат. У него нет причин красть.

Оливия попыталась отпрянуть, но Клейтон удержал ее и крепко прижал к груди.

– Ты ошибся, – прошептала она.

– Нет. Я уже давно подозревал неладное, но теперь знаю точно: твой отец в ответе за все. У меня есть доказательства, – добавил Клейтон.

Оливия толкнула его, но он не выпустил ее из рук.

– Доказательства... для чего?

– Я обязан пойти к судье. Это воровство. – Голос юноши дрогнул. – И предательство. Послушай, Оливия, я сделаю все от меня зависящее, чтобы защитить тебя. Я женюсь на тебе и увезу подальше от скандала.

Он женится на ней? И еще он, кажется... Сначала Оливия поняла только то, что Клейтон сказал о свадьбе, – а уже потом все остальное...

Скандал! Отец! Судья!

У нее задрожали руки. Стало трудно глотать. И даже дышать.

Клейтон же поцеловал ее и проговорил:

– Мне жаль, что пришлось все это взвалить на твои плечи, но я не мог вынести мысли, что ты узнаешь от кого-то другого. Ты должна понять: у меня нет другого выхода. Я обязан поступить как должно.

Ей следовало что-то сказать? Но что именно? Честно говоря, она понятия об этом не имела, поэтому молча смотрела вслед уходившему юноше.

Клейтон ошибся! Глупый мальчишка! Она прижала ладони к ледяным щекам. Он будет унижен, когда судья все выяснит. А отец уволит Клейтона, и они не смогут больше видеться.

Оливия не сомневалась, что Клейтон действительно что-то обнаружил. Он очень умен, намного умнее всех ее знакомых. Но в этом он ошибся.

Возможно, отец тоже о чем-то подозревает. Иначе он не держал бы банкноты в своем кабинете.

Да, наверняка так и есть. Надо только спросить у отца, что ему известно об этих деньгах. Возможно, на него даже произведет хорошее впечатление проницательность Клейтона.

Всю дорогу до кабинета отца она бежала.

Глава 1

*Бумажная фабрика Свифта,
1817 год*

Оливия Свифт выпрямилась и посмотрела сверху вниз на стоявшего перед ней косоглазого человечка. Она понимала, что означал для фабрики каждый новый наемный рабочий, но считала, что должна укреплять свой авторитет.

– Мой отец отдает приказы мне, а я организую их исполнение на фабрике. Если вас это не устраивает, можете искать работу в другом месте, – заявила Оливия.

Гриммон прищурился. Его и без того маленькие глазки превратились в щелочки.

– Не понимаю, почему ваш отец не наймет мужчину, чтобы управлять фабрикой. Для женщин есть более приятные занятия. – Плотоядный взгляд человека не оставлял сомнений в том, какими должны быть, по его мнению, эти занятия.

Но его лицо тут же прояснилось, и на нем появилось выражение, которое, обладая некоторым воображением, можно было бы принять за подобострастие.

– Что ж, если здесь именно так обстоят дела, то я полагаю, что сумею приспособиться.

Оливии не надо было оглядываться, чтобы почувствовать за спиной присутствие Томаса, главного механика фабрики. Пожалуй, ей далеко не все нравилось в этом человеке, но она была бы душой, если бы не считалась с ним. Ведь найти опытного специалиста на ту зарплату, которую фабрика могла ему платить, было почти невозможно. Что же касается косоглазого... Что ж, придется дать ему шанс и не выгонять его на улицу сразу же. Но шанс он получит только один.

– Вам лучше бы приспособиться к нашим условиям. Полагаю, найти другую работу будет непросто... учитывая вашу всем известную страсть к алкоголю.

Гриммон переступил с ноги на ногу и кивнул. Когда он ушел, Оливия повернулась к Томасу.

– Вам не следует так делать. Я должна быть уверена, что он станет выполнять мои приказы, когда вас нет рядом.

Томас пожал плечами. Уродливые шрамы, покрывавшие половину его лица и шею, вовсе не добавляли ему привлекательности.

– Сомневаюсь, что это когда-нибудь произойдет. Да и все равно им не придется подчиняться вашим приказам слишком долго, – добавил Томас. Он был одним из немногих работников, оставшихся на фабрике даже в самые худшие времена. Когда фабрика почти остановилась и производственные процессы велись практически вручную, а единственными покупателями были магазины из соседних городков, он продолжал работать. Томас поддерживал Оливию, но неизменно давал понять: как только фабрика выйдет из кризиса и начнет выполнять контракты, он настоит на том, чтобы она выполнила свое обещание и наняла управляющего-мужчину.

Оливии очень хотелось резко возразить Томасу, но она сдержалась. Ведь он был прав: ее присутствие осложняло ситуацию для работников-мужчин и вызывало много вопросов относительно истинного состояния здоровья ее отца. И все же она пока что не могла отдать фабрику постороннему человеку – пусть даже и толковому управляющему.

– Я останусь тут до тех пор, пока мы снова не получим контракт с Английским банком, – заявила Оливия.

Она решительно зашагала мимо гудевших и лязгавших машин, затем ненадолго остановилась возле огромных металлических цилиндров, медленно перемещавших высыхаю-

щую бумагу к концу линии. Каждый свежий белый дюйм был еще одним фунтом в кармане – доказательством того, что она, Оливия, все же добилась успеха и восстановила фабрику.

– Мисс Свифт! Мисс Свифт! – К ней приближался Колин – младший клерк. Его очки, как обычно, запотели от теплой и влажной атмосферы цеха. Он снял их и протер о рукав, после чего вернулся на место. – Мисс Свифт, я только что получил записку из магазина канцелярских товаров Тредмайна. Они отменили свой заказ.

– Весь? – Оливия положила руку на трубу, по которой текла вода к бойлеру. – Они что-нибудь объяснили?

Колин поправил очки, съехавшие на кончик носа.

– Нет, просто уведомили, что больше не хотят иметь с нами дело.

Второй отказ за один день. Оливия тяжело вздохнула. Как много неудач! Но она ожидала трудностей и не боялась их. И она не позволит трудностям сломить ее. Хотя ей, вероятно, придется отказаться от посещения городского праздника и вместо этого поехать в Лондон.

– Я буду у них сегодня во второй половине дня и...

– Мисс Свифт! – К ней подошел бригадир. – Склад почти пуст, а сырье так и не пришло.

– Ни одна из партий? – Без сырья не было никакой разницы, есть контракты или нет. Без ткани, которую перерабатывают на волокно, бумажное производство остановится.

Бригадир помотал головой, покрытой буйной рыжей шевелюрой:

– Совсем ничего.

– Это, должно быть, какая-то путаница, – сказала Оливия. – Или, возможно, что-то случилось по дороге. Колин, отправь кого-нибудь, чтобы выяснили...

Перед ней вдруг оказался высокий, хорошо одетый мужчина. Нет, только не сейчас! Она не вынесет, если очередной потенциальный покупатель явился без предупреждения, чтобы лично удостовериться в качестве продукции. А может, что еще хуже, прибыл какой-нибудь чиновник из Английского банка. Она ведь еще на прошлой неделе ответила на все вопросы!

Тем не менее Оливия приклеила к лицу приветливую улыбку. Грозят ей неприятности или нет – она не может себе позволить отпугнуть потенциального покупателя. Ее взгляд скользнул по дорожному серому жилету, обтягивавшему удивительно широкую грудь незнакомца. А на его красивом лице выделялись пронизательные синие глаза. Глаза... принадлежавшие покойнику!

Оливия невольно отпрянула и покачнулась. Колин подхватил ее под руку и помог удержаться на ногах.

А «мертвый» человек взял ее за другую руку. На нем были черные кожаные перчатки, но даже сквозь них она почувствовала, какая теплая у него рука.

– Мисс Свифт устала, и здесь очень жарко, – сказал визитер. – В кабинете ей сразу станет лучше.

Колин с удивлением воззрился на незнакомца:

– Кто вы?

– Клейтон Кэмпбелл. Я когда-то здесь работал. – Этот голос в течение последних десяти лет преследовал Оливию в ночных кошмарах.

И она вдруг подумала, что вот-вот лишится чувств. Перед глазами у нее все поплыло, но она не могла допустить, чтобы рабочие увидели ее слабость. Сделав над собой усилие, она все-таки удержалась на ногах и тихо сказала:

– Все в порядке, Колин. Я буду в кабинете.

Оливия позволила Клейтону вывести ее из цеха и отвести в кабинет. Как только за ними закрылась дверь, она подняла руку и дрожащими пальцами прикоснулась к его лицу.

Высокий угловатый мальчишка, которого она помнила, исчез, и теперь перед ней был сильный, крепкий мужчина. Лицо же его казалось высеченным из камня.

Он жив.

Его подбородок чуть потемнел от пробивавшейся щетины. Оливия никогда не позволяла себе представлять, как он выглядел бы, став взрослым мужчиной. Но даже если бы она когда-нибудь дала себе волю, то все равно не смогла бы вообразить такого. Он стал грубее... но все равно был воплощением совершенства.

Он жив.

Она видела прямой нос, аккуратную раковину уха и чуть выступающие скулы. Ей хотелось увидеть все перемены, вспомнить сотни деталей, которые она давно забыла. Она должна была убедиться, что перед ней человек из плоти и крови, а не плод воображения.

Он жив.

Человек, которого она отправила на виселицу.

Клейтон не шевельнулся. Наконец, когда она встретилась с ним взглядом, он сквозь зубы процедил:

– Убери от меня руки.

Оливия отшатнулась и рухнула на жесткий стул.

– Клейтон, где ты был? Я думала, ты...

– Мертв? – услужливо подсказал он.

Она сразу поняла, что не должна была садиться. Он всегда возвышался над ней, но теперь... Теперь же он господствовал, подавлял, устрашал... Его губы скривились в презрительной гримасе.

Что ж, если это чудо, то оно оказалось вовсе не радостным.

– Где ты был? – Она стиснула в кулаках мягкую ткань своей серой рабочей юбки.

Клейтон саркастично усмехнулся. Господи, как же он изменился! Стал жестоким.

– В аду.

– Но ведь тебя повесили! Отец сам видел!

– Разве?

Все у нее внутри, включая и сердце, словно сжалось в тугий узел. Выходит, отец солгал ей. Еще одна ложь. Не первая и не последняя. Боже правый!

– Ты все это время был в тюрьме? Или... – Слова застревали в горле. – Тебя... куда-то увезли? – Могла ли она сделать что-нибудь, как-то ему помочь? Может, пойти к властям и рассказать правду?

– Я пришел не для того, чтобы воссоединиться с прежней возлюбленной.

Но это вовсе не значило, что она не могла задавать ему вопросы. Когда-то она любила его всей душой, всем сердцем. И ей необходимо было знать, что с ним произошло.

Заставив себя встать, Оливия спросила:

– Так что же с тобой случилось?

– Ты лишилась права задавать подобные вопросы.

– Клейтон, что произошло той ночью?

– Я хочу поговорить с твоим отцом. – Голос его был холоден и спокоен.

– Но, Клейтон...

– Не льсти себе. Я не долго мучился из-за твоего предательства. И не желаю говорить об этом.

– А я желаю!

– Но ты не всегда получаешь то, что хочешь, Алмаз.

Да как он смеет?! Как он осмелился сказать ей такое... и назвать ее так? Ей очень понравилось, когда Клейтон дал ей это прозвище. Алмаз – это сверкание, яркость, блеск.

Но теперь, когда его голос исказило презрение, алмаз стал символом жадности, мелочности, тщеславия.

Но ничего такого в ней больше не было.

– Ты проводишь меня к отцу?

Эти слова вернули Оливию к реальности.

– Нет, невозможно.

– Вчера я уже понял, что доступ к нему ограничен, однако же...

Оливия мысленно вознесла хвалу верности и преданности их старого дворецкого.

– Отец не совсем здоров. Он никого не принимает.

– Но ведь он принял представителей Английского банка?

Откуда Клейтон узнал?...

– Это исключительный случай.

– Воскрешение из мертвых тоже можно считать исключительным случаем.

– Я не позволю! – Что ж, она ему скажет то же самое, что и всем остальным. – Все, что ты хочешь передать ему, говори мне. Я ничего от него не скрою.

– Остаешься его верной сторожевой собакой? – саркастически ухмыльнулся Клейтон.

Она не дрогнет! Не дрогнет ни от его презрения, ни от собственного гнева. Пусть она больше не предана своему отцу – она безраздельно предана фабрике.

– Так что же передать отцу?

Клейтон растянул губы в неискренней улыбке, продемонстрировав удивительно белые зубы.

– Скажи своему отцу, что я явился сюда за справедливостью. Все, что он имеет, скоро будет в руинах.

– За последние десять лет фабрика и так практически потерпела крах. Этих руин для тебя недостаточно?

– Невезение и справедливость – разные вещи. Фабрика готовится начать работу на Английский банк, разве нет?

Не было смысла отрицать то, что ему уже было известно.

– Да, готовится.

– Именно это и заставило меня здесь появиться. А вовсе не ты. Твой отец мог заткнуть мне рот, когда я был молод. Но больше он не будет совершать преступления.

– Да, не будет, – кивнула Оливия.

Клейтон прислонился к дверному косяку. Его расслабленная поза никак не сочеталась со злым напряженным взглядом.

– Насколько я помню, ты и в прошлый раз не сомневалась в его невиновности. Но теперь можешь мне поверить: фабрика Свифта больше никогда не будет печатать деньги.

И тут до Оливии дошел весь ужас ситуации. Грудь ее сдавило словно тисками, и казалось, тиски эти вот-вот сдавят и сердце и вонзятся в него...

Она не могла сказать ему правду. Ведь он, ведомый ненавистью, вполне мог использовать эти сведения, чтобы окончательно разрушить фабрику. Десять лет назад он хотел остановить ее отца, повинувшись своим представлениям о справедливости и правосудии, но теперь ситуация совсем другая. Теперь все стало намного серьезнее.

– Фабрика – это не только мой отец. От нее зависит множество других людей.

– Тогда им предстоит заново отстроить ее из руин.

Что она когда-то видела в этом человеке? Как могла не замечать его жестокости? Возможно, ее отец был в чем-то прав. Клейтон недостойн ее.

– Ты ждал так долго, чтобы отомстить?

– О, это не месть.

Оливия ткнула его пальцем в грудь.

– Нет, это самая настоящая, ничем не прикрытая месть. Иначе ты обратился бы к властям.

Клейтон резко отбросил ее руку, и впервые она увидела в его глазах огненную ярость.

– Виселица слишком хороша для твоего отца.

– Иными словами, у тебя нет никаких доказательств. – Оливия сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. – Оставь это, Клейтон. Я даю тебе слово, что прошлое не повторится.

– Твое слово? – Он усмехнулся и провел рукой в перчатке по подбородку. – А знаешь ли ты, что случилось с моим отцом после того, как я был осужден? Тебе не приходила в голову мысль отыскать его?

Оливия пожала плечами и пробормотала:

– Мне тогда было только пятнадцать лет... – Хотя, конечно, нельзя отрицать того, что эта мысль не приходила ей в голову и позже, когда она стала старше. Вероятно, она все-таки изменилась не так сильно, как ей хотелось бы. – А что с ним случилось?

Клейтон не ответил и заявил:

– Все, с этой фабрикой покончено.

И в тот же миг гул машин за дверью стих. Оливия тщетно пыталась уверить себя, что все дело только в задержке поставок сырья. Но почему же Клейтон улыбнулся так зло-радно?...

А она ведь все замечательно организовала... Нет-нет, даже если Клейтон стал гением – а в юности многие говорили о его блестящих способностях, – он не сможет ее остановить.

Тут он достал из кармана стопку бумаг, медленно развернул листки веером и легонько провел ими по ее щеке. Бумага была тонкой и дешевой, не с ее фабрики.

– Ты знаешь, что это? – насмешливо спросил Клейтон.

Оливия молча покачала головой.

– Я скупил все твои долги. И срок уплаты по первому из них истекает... – Он покосился на верхний листок, словно не помнил в точности каждое слово, каждую цифру. – Истекает в следующий вторник. Надеюсь, у тебя есть соответствующая сумма.

У Оливии перехватило дыхание. «Надо будет убедиться, что заказ Тредмайну отправили раньше, чем подойдет срок уплаты поставщику угля», – промелькнуло у нее. Но уже в следующее мгновение она вспомнила, что этот заказ только что отменили.

Никакая сила воли не могла теперь скрыть дрожь в ее голосе, когда она проговорила:

– Ты не сможешь так поступить.

Клейтон повернулся к двери.

– Я уже так поступил. И передай отцу, что отныне и впредь я буду иметь дело только с ним. С ним одним.

Глава 2

– Да, но, может быть, следует передвинуть столы на солнце? – сказала Оливия мужчинам, выносившим столы из таверны на прохладный осенний воздух.

Праздник урожая. Он должен был стать грандиозным торжеством. Первым деревенским праздником за десять лет. Этот праздник должен был положить начало доброй традиции – впредь такие праздники планировалось устраивать каждый год.

Если же Клейтону удастся осуществить свои планы, праздник станет первым и последним.

Дети весело бегали по площади вслед за катящимся обручем. Женщины раскладывали на столах для продажи вкусные пироги, веники, вязаные шапки, заколки и резные деревянные игрушки.

Все было превосходно устроено.

И это никогда больше не повторится, если Клейтону удастся добиться своего.

Миссис Уилкерсон подала ей кружку теплого сидра.

– Спасибо. – Оливия протянула женщине пенс, но та покачала головой:

– Нет, мисс Свифт. Ведь вы столько для нас сделали...

– Прошу вас, возьмите, – настаивала Оливия. В конце концов, как выяснилось, она возродила город только для того, чтобы его снова постиг крах.

После минутного колебания другая женщина взяла монету и спрятала ее в карман.

– А тот член парламента согласился поддержать вашу идею? Ну, относительно отдельных помещений в тюрьме для детей...

– Он сказал, что подумает, – ответила Оливия. Миссис Уилкерсон была одной из двух женщин в городе, у которых сыновей отобрала Британская пенитенциарная система, поэтому она самым внимательным образом следила за попытками мисс Свифт исправить ужасную несправедливость.

– А ваши задушевные друзья придут на праздник?

У Оливии не повернулся бы язык назвать представителей Общества борьбы за гуманное отношение к детям-преступникам своими «задушевыми друзьями». В общество входили два барристера, квакер, ушедший на покой викарий и горстка озабоченных этой проблемой женщин. Хотя она готова была назвать их не только друзьями, но и родственниками – кем угодно! – если им удастся продвинуться со своими реформами.

– Я уведомила их, что они приглашены.

Возможно, некоторые из них и придут. Эти люди относились к восстановлению фабрики как к масштабному эксперименту, который в случае удачи поможет удержать деревенскую молодежь от попадания в лондонские трущобы.

Миссис Уилкерсон дала по кружке сидра двум мужчинам, которые остановились у стола, чтобы промочить горло. Оба работали на фабрике, но Оливия уже давно установила выходной день для рабочих, и сегодня ей это было на руку.

К столу подошел Колин. У него на плече сидела его маленькая сестренка. Девочка указала пальчиком на кружки:

– И мне!

Колин опустил малышку на землю.

– Присмотришь за ней минутку, тетя Люси? Соревнования вот-вот начнутся.

– Соревнования? – удивилась Оливия.

Колин поправил очки и кивнул:

– Да, катание сыра.

Оливия в растерянности заморгала. Вероятно, она что-то неправильно расслышала.

Миссис Уилкерсон плеснула какого-то напитка в чашку и дала хнычущей племяннице. После чего ответила:

– Вы должны были видеть нечто подобное раньше, еще в детстве.

Оливия никогда в детстве не ходила на праздники, но не стала говорить об этом. Слава Богу, они забыли, как она когда-то заявила, что «только грязным дворняжкам интересны городские праздники». Ей тогда было семь. Отец рассмеялся и погладил ее по головке.

К столу подошел мужчина с женой. Им тоже хотелось сидра.

Миссис Уилкерсон отмахнулась от Колина.

– Не думаю, что я сумею уследить за твоей сестрой. Где мама?

Колин осмотрелся.

– Помогает построить детей, участвующих в хоре.

– Я могу присмотреть за девочкой, – вызвалась Оливия.

Все уставились на нее с явным недоумением.

– Разве вы не заняты организацией праздника?

Но в данный момент вроде бы все шло хорошо и без ее вмешательства.

– Пока нет. – Оливия поставила кружку и взяла малышку на руки. – Не беспокойтесь.

Идите.

После секундного колебания Колин во всю прыть устремился к группе мужчин на вершине холма.

– Желтый, – сказала девочка, указав на упавший лист.

– Да, и желтый, и оранжевый, и красный. – Оливия обратила внимание малышки на другие цвета и медленно пошла к столам, расставленным у выхода из таверны. На мгновение она прижалась щекой к мягким волосикам ребенка. – Мы же не позволим большому жадному дяде отобрать все это у нас, правда?

– Да, очень жадный, – с готовностью согласилась девочка.

«И красивый, – мысленно вздохнула Оливия. – Но ужасно холодный!»

Появление Клейтона должно было успокоить ее совесть. Но она уже привыкла думать о своей вине как о далеком прошлом. А теперь это прошлое вдруг швырнули ей в лицо. Мерзкое! Уродливое! Страшное! Десять лет назад, думая, что он умер, Оливия молилась о том, чтобы это оказалось ошибкой, чтобы выяснилось, что Клейтон жив и невредим. Тяжесть вины не давала ей спокойно жить, мешала дышать. О, как страстно она желала избавиться от этой тяжести!

Но теперь, когда выяснилось, что он действительно жив, раскаяние и угрызения совести не исчезли, остались при ней.

Но если она в долгу перед ним, если этот долг ей никогда не вернуть, то это не значит, что ему теперь позволено все, а она должна сидеть сложа руки. Она изменилась, она уже давно не та девочка, которую он когда-то знал. И она не уклонялась от борьбы с того самого дня, когда испугалась и не пошла вместе с отцом в суд. С того дня, когда якобы умер Клейтон.

Вот перед ней новая школа, ее детище. В воздухе еще чувствовался запах свежей краски. В помещениях нужны кое-какие отделочные работы, но снаружи здание закончено точно в срок – к празднику.

– Вы сделали доброе дело. И по праву можете им гордиться. – Обернувшись, Оливия увидела улыбающееся сморщенное лицо викария. – Люди всегда будут вам благодарны. – Он протянул руки и взял у нее малышку.

Этих слов Оливия ждала три года. С тех пор как он приехал к ней в Лондон и рассказал, в какое запустение пришла фабрика, а с ней – и весь городок.

Но теперь эти слова ничего не значили. Ведь она-то стремилась отдать долг за смерть человека, который, как оказалось, вовсе не умер.

– Именно вы заставили меня понять свою ответственность перед городом, – пробормотала в ответ Оливия.

Викарий погладил девочку по спинке, кивая в такт песне, которую только что затянули школьники. Оливии очень хотелось рассказать викарию о Клейтоне. Но как она могла? Ведь он весь лучился от радости.

Она всмотрелась в окружающие ее лица. Вот семья Джонсон с семью светловолосыми мальчишками, имена которых она никак не могла запомнить. А это мистер Грапп. Он наконец приобрел новую вывеску для своей таверны взамен старой, уничтоженной ураганом пять лет назад. Были и новые лица – люди, приехавшие из других мест специально на праздник, а также семьи рабочих, недавно появившихся на фабрике.

Викарий отошел, чтобы отдать ребенка матери.

Перед Оливией же вдруг остановился незнакомец. Он снял шляпу, под которой оказались грязные черные волосы, и проговорил:

– Простите за беспокойство, мисс. Но к вам на фабрику недавно приходил человек. Мне показалось, что это мой старый друг, но я не уверен. – У незнакомца был странный акцент, происхождение которого Оливия никак не могла определить.

– Клейтон Кэмпбелл? – спросила она. – Вы его имеете в виду?

Мужчина кивнул и при этом вовсе не выглядел удивленным.

– Значит, это и в самом деле был он. Искал работу на фабрике?

Оливия отрицательно покачала головой:

– Нет, не искал.

Неожиданно она заметила, что у незнакомца слишком уж напряженный пристальный взгляд. Совсем как у хищника. Оливия невольно отступила.

– А откуда вы его знаете? – спросила она.

В этот момент закончились какие-то соревнования, и мимо нее прошла группа весело болтавших парней. Они хлопали друг дружку по плечам и выкрикивали поздравления.

– Я второй! – крикнул ей Колин.

Оливия приветливо улыбнулась юноше. Когда же повернулась, выяснилось, что странный незнакомец исчез. Она приподнялась на цыпочки, высматривая его в толпе, но незнакомца нигде не было.

Парни столпились вокруг стола с сидром. Дети закончили выступление и теперь пробирались сквозь толпу, разыскивая своих родителей.

Нет, она ни за что не позволит Клейтону все это уничтожить. Человек, которого она когда-то любила, не сможет разрушить жизни всех этих ни в чем не повинных людей. Ей просто надо показать ему, кто пострадает от его действий.

Оливия почувствовала, как по телу ее прокатилась волна дрожи. Что это? Страх? Или предвкушение?

Снова быть рядом с ним...

Оливия не считала нужным обманывать себя и понимала, что не сможет изменить его нынешнее отношение к ней. Но она надеялась, что сумеет изменить его намерения относительно фабрики. Ведь Клейтон всегда был человеком честным и прекрасно понимал, что такое хорошо и что такое плохо. Как-то раз он целую милю возвращался назад в магазин, потому что ему дали семь конфет, а заплатил он только за шесть.

Был только один способ смягчить его – найти путь к его сердцу.

Он всегда за всех тревожился и обо всех заботился. И эта черта его характера наверняка сохранилась, что бы ему ни пришлось пережить. Она должна заставить его подумать о фабрике не как об отмщении, а как о предприятии, дающем многим людям работу и достойную жизнь.

Отыскать путь к сердцу мужчины в общем-то несложно. Достаточно шепотка. Улыбки. Мимолетной ласки. Но только в том случае, если речь идет не об этом мужчине.

Но Клейтон все равно прислушается к доводам логики. Не сможет не прислушаться. А спасение фабрики – поступок вполне логичный. И правильный.

На протяжении последних восьми лет Оливия напряженно работала, убеждая лордов, судей и членов парламента в необходимости помочь детям бедняков. Она очаровывала благотворителей и хозяек модных салонов, склоняя их к формированию фондов помощи бездомным уличным попрошайкам и воришкам.

И она как-нибудь справится с бывшим клерком.

Клейтон поднял глаза от бумаг, разложенных на столе, и уставился невидящим взглядом в окно. Он надеялся, что цифры, как всегда, успокоят его, но почувствовал еще большую неудовлетворенность. Из пустякового жалования, которое министерство иностранных дел выплатило ему чуть больше года назад, он сделал состояние, потерял его, а потом вернул снова. Инвестиции с высокими ставками – это всегда риск, но при тщательном изучении ситуации риск существенно снижается.

Обычно изучение своих инвестиций и планирование новых успокаивало его. Но сегодня он никак не мог сосредоточиться. Цифры казались ему такими же неудовлетворительными, как и все остальное в этот день.

В чем же причина его недовольства? Он ведь уже приступил к исполнению своего плана и предупредил Оливию. Но теперь он не станет – как хотел десять лет назад – защищать ее от того, что произойдет. Она сделала свой выбор. И ни ее отец, ни сама Оливия не сумеют его остановить. Правосудие свершится.

И только одно не давало ему покоя.

Оливия все еще оставалась самым красивым созданием, которое ему когда-либо доводилось видеть. Теперь она стала взрослой женщиной, и время превратило некоторые ее недостатки в безусловные достоинства. Мягкость детских форм сменили изящные грациозные изгибы. Губы, раньше слишком уж пухлые, теперь искушали и манили. Лицо лишилось детской округлости, и на нем отчетливо проявились высокие скулы. Тонкие же красиво изогнутые брови придавали взгляду не удивление, а, пожалуй, искушенность.

А ее огромные глаза цвета весеннего неба больше не лучились наивностью и невинностью, но стали такими глубокими, что в них хотелось утонуть.

Но все это не имело никакого значения. Он больше ее не хотел.

А если он и позволил ее нежной руке задержаться на его лице какое-то мгновение, то это лишь потому, что он был поражен ее дерзостью.

В кабинет вошел дворецкий Кентербери, на голове которого красовалась невообразимая красновато-коричневая шляпа. Шутовской колпак, да и только!

– Ну как, сэръ, справедливость восторжествовала?

– Я только сделал предупреждение. – Интересно, какого черта он отчитывается перед дворецким? Ведь он, Клейтон, в течение десяти лет был членом самой грозной и неуловимой шпионской группы – «Трио». И даже под пытками он не выдавал информации. А этот человек одним только своим взглядом заставляет его все выкладывать.

Мэдлин и Йен, то есть Малышка с Духом – два других члена «Трио», – непременно подняли бы его на смех. Но по непонятной причине Клейтон чувствовал вину перед старым слугой. Чувствовал даже тогда, когда точно знал, что ничего плохого не сделал.

Он унаследовал этого нахального слугу после замужества Мэдлин Уолден. Теперь она стала Мэдлин Хантфорд. Клейтон до сих пор не совсем понимал, как именно это произошло. Ведь вовсе не он, а Йен знал Кентербери в прошлой жизни.

– Значит, вы смогли встретиться с мистером Свифтом? – спросил дворецкий.

– Нет, я разговаривал с его дочерью.

– Вот как?...

Клейтон промолчал. Он испытывал странное чувство, которое затруднялся определить словами. Он не лгал Оливии. Во всяком случае, не во всем. Да, конечно, он вспоминал о ней, но никогда не имел намерения увидеть ее или ее отца. Ему, как правило, приходилось заботиться о том, чтобы уцелеть, и не было времени вынашивать планы отмщения.

Но шесть месяцев назад он прочитал в «Таймс» о том, что бумажная фабрика Свифта, несмотря на нездоровье мистера Свифта, готовилась к заключению контракта с Английским банком.

Нет, нет и нет! Пока он, Клейтон, жив, этому не бывать. Десять лет своей жизни он отдал защите Англии. И он не позволит, чтобы ее обманывали такие субъекты, как Артур Свифт.

– Она сказала, когда вы сможете встретиться с ним? – поинтересовался дворецкий.

Клейтон скользнул взглядом по колонкам цифр. Возможно, именно в этом корень его неудовлетворенности. Он позволил Свифтам диктовать ему условия – как и прежде.

Но он больше не совершит такой ошибки.

Глава 3

Пятимильная поездка до дома Свифтов не заняла много времени. Почти все окна были темными, но все равно гигантский особняк господствовал над всеми остальными окрестными строениями.

Клейтон спешил и выждал несколько минут. Только убедившись, что к нему никто не спешит, чтобы взять лошадь, он привязал животное к тонкому стволу дерева.

Вероятно, его все-таки заметили. Да, похоже, что так. Потому что передняя дверь оказалась открытой.

Клейтон ожидал, что его встретят вооруженные слуги, но, поднимаясь по лестнице, он заметил только подошвы двух ботинок, частично видневшиеся из-за приоткрытой двери. Ботинки явно были на чьих-то ногах, а их обладатель лежал на полу.

Последние ступеньки Клейтон преодолел бегом, сжимая в руке нож.

Человек, лежавший у двери, оказался, судя по всему, дворецким. На левой стороне его лба красовалась огромная шишка. Клейтон опустился на колени рядом с ним и попытался привести бедолагу в чувство. Но тот ни на что не реагировал, хотя и дышал.

Клейтон быстро осмотрелся. В дальнем конце верхнего холла он заметил пятна крови. Кровавый след вел в коридор – как будто раненый человек пытался убежать от опасности. Он пошел по следу. Судя по количеству крови, жертва не могла уйти далеко.

Долгие годы, сталкиваясь с насилием и временами применяя его сам, Клейтон научился смотреть на подобные сцены без эмоций. Однако на сей раз его сердце так громко колотилось в груди, что он не слышал собственных шагов, не говоря уже о приближении возможного противника.

А если это *она* убита?...

Нет, убита была не Оливия, был мертв один из слуг. Ножевое ранение в грудь оказалось смертельным.

Проклятие! Ему захотелось окликнуть ее, захотелось громко выкрикивать ее имя до тех пор, пока она не покажется целой... живая и невредимая. Да, конечно, он презирал ее, но ни за что на свете не пожелал бы ей такой судьбы.

Но где же она? Оливия не стала бы прятаться в комнате, услышав подозрительный шум. Она наверняка отправилась бы узнать, что происходит. Пошла бы до того, как осознала бы неразумность своего поведения...

Клейтон старался двигаться бесшумно. Нападавшие скорее всего уже ушли, но он не желал обнаруживать свое присутствие раньше, чем будет необходимо.

Что же случилось? Наверное, это ограбление. В холле не было ни одного серебряного подсвечника, да и вообще Клейтон не заметил по пути ничего блестящего, а раньше всего этого было в избытке. Но бандиты почему-то вошли через переднюю дверь, причем вошли днем. А ведь грабители обычно дожидаются ночи, чтобы проникнуть в дом тайком.

Клейтон шел по коридору, заглядывая в каждую комнату.

Не только в холле не было никаких украшений. Все комнаты, кроме гостиной и кабинета, оказались практически пустыми. В гостиной он заметил также несколько медных подсвечников. Интересно, почему грабители оставили то, что легче всего продать?

Клейтон уже давно знал, что фабрика практически развалилась, поскольку ею никто не занимался; только два года назад она неожиданно возродилась. И возможно, нынешнее состояние дома являлось результатом финансового краха.

Мысль об Оливии, распродающей домашние вещи, должна была доставить ему удовольствие. Это можно было бы считать своего рода высшим правосудием, но он, Клейтон, не настолько глуп, чтобы верить в него.

И вообще, какое ему дело до Оливии?

Что случилось с ней после его ареста, его не тревожило. Он имел претензии к ее отцу, а не к ней. Выясняя, что стало с фабрикой, Клейтон намеренно не стал ничего узнавать о ее жизни.

Ему было все равно.

Он открыл дверь в библиотеку и услышал женский крик. Рука Клейтона стиснула нож. Но это была не Оливия.

В дальнем углу комнаты, в темноте, съежилась немолодая служанка. Она закрыла лицо ладонями.

Спрятав нож в ножны, Клейтон медленно направился к испуганной женщине. Он вовсе не желал напугать ее еще сильнее.

– Успокойтесь. Я не сделаю вам ничего плохого. Что здесь произошло?

Женщина немного успокоилась, но все еще не желала выбираться из темного угла, казавшегося ей безопасным.

– Вы же не русский, правда? – спросила она с дрожью в голосе.

Клейтон покачал головой, неожиданно почувствовав слабость в ногах. Мысли путались. При чем здесь русские? Черт возьми, что здесь происходит?!

– Нет, конечно, не русский. А они еще здесь?

Служанка тяжело вздохнула.

– Нет, думаю, уже ушли. Забрали ее и ушли.

– Кого они забрали?! – Должно быть, его голос прозвучал слишком резко, поскольку женщина в ужасе отпрянула.

Клейтон сделал два быстрых шага к двери, но тут же остановился – дала о себе знать старая выучка. Он не мог ничего делать вслепую. К тому же он понятия не имел, кто забрал Оливию – было уже ясно, что похитили именно ее.

– Как давно это произошло?

– Не знаю. – Служанка всхлипнула. – Я очень спешила. Надо было подготовить грелки. Я каждый вечер это делаю. Никогда не думала, что...

– Когда вы обычно наполняете грелки?

– В семь.

Было уже больше восьми. Женщина определенно пребывала в шоке, но Клейтон не мог обойтись без информации. А другого источника у него не было.

Он помог женщине подняться и задал очередной вопрос:

– Кто это был?

Она прикусила губу.

– Не знаю! Откуда мне знать?

Ее глаза снова стали бессмысленными, и Клейтон тут же заговорил, опасаясь, что она ударится в панику и ему больше ничего не удастся узнать.

– Вы пострадали?

Служанка прижала ладони к груди.

– Нет, не пострадала. – Она на мгновение затихла, потом уставилась на Клейтона круглыми от ужаса глазами. – Они забрали ее! Был экипаж... Кажется, я его слышала. О, вы должны ей помочь!

Направляясь сюда, Клейтон встретил не менее дюжины экипажей, колясок и повозок. Оливия могла находиться в любой из них.

Набравшись терпения, он снова обратился к женщине:

– Расскажите мне, что вы видели и слышали. Абсолютно все. Даже мельчайшая деталь может помочь отыскать Оливию.

Женщина судорожно вздохнула и пробормотала:

– Даже не знаю, что рассказывать... Я чистила камин, когда услышала шум в холле. Я выглянула посмотреть, в чем дело. Оказалось, что два незнакомых молодых человека били мистера Бертон. Перри – он слуга – хотел им помешать, но тот, у которого черные волосы, вытащил нож и ударил его. Прямо в грудь.

Служанка снова всхлипнула, и Клейтон положил ей руку на плечо, стараясь успокоить.

– Вы можете их описать?

– Один был высокий и очень злобный, с большой кустистой бородой. Другой – худой и, пожалуй, красивый. С черными волосами. Очень аккуратный. Оба выглядели иностранцами. И говорили по-русски.

– Откуда вы знаете, что это был русский язык?

Женщина усмехнулась:

– Я служила в этом доме еще до болезни хозяина. У него часто бывали иностранцы.

И русские – тоже.

– Вы помните какие-нибудь слова?

– Нет, русских слов я не разобрала. Кроме того, они говорили по-французски. Кажется, La Petot...

– Может быть, La Petit ¹? – подсказал Клейтон.

– Да-да, черноволосый говорил громиле что-то о La Petit.

– А потом они забрали мисс Свифт?

Служанка кивнула, и у нее задрожал подбородок.

– Думаю, забрали. Я... я пряталась здесь и не видела. Но я слышала, как она кричала.

Клейтон с облегчением вздохнул. Если Оливия кричала, значит, отсюда ее забрали живой.

– Где ее отец и другие слуги?

Служанка недоуменно нахмурилось, потом ее лицо прояснилось.

– Сегодня их не было дома, сэр, но они скоро вернуться. Да, бандиты еще сказали что-то про Ист-Энд.

Значит – порт! Клейтон подошел к столу и написал несколько слов на листке бумаги.

– Как только остальные слуги вернуться, пусть это доставят Йену Мэддоксу в Олбани.

Он вышел из комнаты и направился к двери, не дожидаясь ответа. Если похитители думают, что Оливия – это La Petit, она же – Малышка, самая известная в Европе шпионка, то ее жизнь в опасности. Узнав, что она вовсе не Малышка, они ее убьют.

Клейтон вскочил на лошадь и поскакал по подъездной аллее в сторону дороги.

Почему они ее забрали? Ведь Оливия совершенно не похожа на Мэдлин – настоящую Малышку.

Единственное связующее звено между этими женщинами – это он, Клейтон. Похитители по непонятной причине решили, что Оливия и есть Мэдлин, после его контакта с ней. Но почему им нужна только Малышка? Они ведь наверняка знают, где находится и он сам... Вероятно, они за ним следили.

Чертовски странно.

И кто мог ее похитить? «Трио» бывало в России редко, и всякий раз они имели дело с правдинцами. Однако, насколько ему было известно, эта группа страстных революционеров распалась несколько лет назад после смерти их предводителя.

Клейтон резко натянул поводья, остановил лошадь и спрыгнул на землю. Следовало изучить следы в конце подъездной аллеи. Было уже темно, но все же он без труда определил, что недавно здесь проехал экипаж, повернувший в сторону Лондона.

Проклятие! Это не могла быть группа правдинцев. Ее больше не существовало.

¹ Малышка (фр.).

Но некоторые члены группы все же остались... Причем все они желали бы видеть Малышку мертвой. И она умрет. Точнее, Оливия вместо нее. После того как они подвергнут ее пыткам, чтобы узнать информацию.

Если бы он верил в Бога, то вознес бы Ему молитву о том, чтобы успеть в порт до отхода судна похитителей. Но в Бога Клейтон не верил и потому пустил лошадь в галоп.

– Говори же, Арчи... – Рука Клейтона сжала горло бедняги. – Ведь ты знаешь все суда, которые входят в порт и выходят из него. Даже те, о которых не подозревает начальник порта. Повторяю вопрос: куда направилось судно? – Свидетели видели двух мужчин, соответствовавших описанию русских, которые занесли на борт спящую женщину. И судно немедленно снялось с якоря. Они, должно быть, тщательно спланировали похищение, даже согласовали его с приливом.

– Я тебе ничего не должен! – Арчи закашлялся. – Больше ничего...

Клейтон сдавил горло собеседника еще сильнее.

– Тогда я тебе буду должен.

Арчи уже терял сознание, и все же в его глазах вспыхнул интерес.

– Ты предлагаешь... сделку? Ты же никогда этого... не делаешь.

– Больше не сделаю. Итак, слушаю тебя.

– В Санкт-Петербург. Это было русское судно. С каким-то грузом.

Клейтон отпустил несчастного, и тот мешком осел на землю, кашляя и потирая горло.

– Не забудь, – прохрипел он, – теперь ты мне должен.

– Я не забуду. – Он никогда ничего не забудет. Ни того, как дергалось горло Арчи под его рукой, ни боли в глазах Оливии, когда он объявил ей о своем решении относительно фабрики.

– Где я могу найти судно? Отвечай немедленно!

Глава 4

Оливии показалось, что она ослепла. Она знала, что глаза у нее открыты, но темнота казалась абсолютной. К тому же ужасно пересохло в горле и хотелось пить. Она попыталась дотянуться до чашки с водой, которую всегда ставила на столик у кровати, но внезапно руки ее и плечи обожгла боль.

Почему-то она не могла шевелить руками. Сделав еще одну попытку дотянуться до чашки, она поморщилась от боли. Запястья горели огнем. Наконец Оливия поняла, что руки у нее связаны за спиной. Ноги тоже были связаны.

И находилась она не в своей спальне. Лежала на боку на жестком комковатом матрасе. Давно? И где, собственно, она находится?

Дверь распахнулась.

– Кажется, она проснулась, – раздался грубый мужской голос.

Оливия инстинктивно зажмурилась – свет, лившийся из дверного проема, показался слишком ярким. Через несколько секунд глаза привыкли, и она поняла, что стоявший на пороге мужчина держал в руке фонарь.

– Тогда ей надо дать воды, – сказал другой голос. Оливия поняла слова, хотя и не сразу. Русский язык. Мужчины говорили по-русски. Она вспомнила, как изводила свою гувернантку, не желая учить этот язык, как того хотел отец. Он стремился произвести впечатление на инвесторов.

В комнату вошли двое мужчин. Один из них, с фонарем в руке, был худощавым, изящным и мог бы считаться красивым, если бы не слишком тонкие губы, постоянно кривившиеся в жестокой гримасе. Другой же был таким огромным, что ему пришлось пригнуться, чтобы войти в дверь.

Упоминание о воде усилило ощущение сухости во рту. Оливии очень хотелось пить, но она упрямо сжала губы и не стала ничего просить – не следовало показывать свою слабость.

– Она не получит воды, пока не даст нам нужные ответы, – заявил человек с фонарем. – Итак, говори про ключ.

Оливия могла вспомнить самые разные ключи. Например, от дома. Или от фабрики. Но эти люди и так вломились в ее дом, так что, вероятнее всего, ключи от дома не представляли для них интереса. Что же касается фабрики... Новое паровое оборудование, которое недавно там установили, было довольно дорогое, но его очень сложно вывезти.

– Какой ключ? – спросила она, хотя с пересохшим горлом говорить было очень трудно. К тому же Оливия не была уверена, что мужчины ее поняли. Да и ее русский оставлял желать лучшего. Отец из-за этого постоянно на нее злился.

Мужчина, державший фонарь, повесил его на деревянный гвоздь в стене, подошел к столу и налил воды в глиняную чашку. Наверное, он понял, что она не сможет говорить, если не дадут попить.

Потрескавшиеся губы Оливии невольно раздвинулись в предвкушении живительной влаги.

Мужчина с фонарем медленно вылил воду на пол.

Оливия не сдержалась и, разочарованная, ахнула.

– Не лги, Малышка. Мне известно, что ты взяла у Васина.

Интересно, почему он перешел на французский?

Во всем происходящем не было никакого смысла. Оливия не могла понять, что происходит. Но она точно знала, что ничего ни у кого не брала.

– Я не понимаю, о чем вы говорите. – Она очень надеялась, что произнесла эти русские слова правильно. Ей нечасто приходилось говорить на этом языке, разве что иногда вести

застольные беседы. Но теперь она должна была объяснить этим людям, что они ошиблись. – И я не знаю, кто такой Васин.

Худощавый мужчина наклонился, и его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от ее лица. Теперь она узнала его. Именно он заговорил с ней на празднике. Следовательно, все это как-то связано с Клейтоном.

От мужчины пахло спиртным и табаком, когда он проговорил:

– Твой партнер привел нас прямо к тебе. Его визит в твой дом. Твои странные встречи с разными правительственными чиновниками.

Он говорит о ее работе в обществе? Но при чем здесь Клейтон?

– Мы нашли вот это. Это же шифр, разве нет? – Он бросил на кровать небольшую стопку конвертов, перевязанных синей ленточкой.

Любовные письма от Клейтона... Горькая память о счастливых днях. Она так и не смогла их выбросить.

Эти люди были в ее комнате. Они рылись в ее вещах. А она и не знала. Тотчас же появилось ощущение, будто вся кожа покрылась грязью.

А мужчина с фонарем продолжал:

– Можешь говорить что хочешь. Твои действия подтвердили наши догадки.

Оливия со вздохом закрыла глаза. Ей дали какое-то снадобье, от которого хотелось спать. Наверное, все это сон. Это должно быть сном. Иначе и быть не может. Скоро она проснется, и все опять будет в порядке.

Сильная рука схватила ее за волосы и встряхнула.

– Я знаю, что ты не спишь, Малышка!

– Граф не велел причинять ей вред. Он только сказал привезти ее. – В голосе великана явно слышалось беспокойство.

– Заткнись, Блин. Тебе слова не давали.

– Но она же говорит, что ничего не знает, – возразил гигант.

Мужчина с фонарем снова встряхнул ее, и Оливия, не сдержавшись, закричала. Она открыла глаза и попыталась отодвинуться, но боль стала только сильнее.

– Она лжет! – Теперь красивое мужское лицо не выражало ничего, кроме ярости и угрозы.

Оливия вновь вздохнула.

– Вы меня с кем-то перепутали, – пробормотала она.

– И ты, конечно, знаешь русский язык по чистой случайности? Нет, не верю. Вы, англичане, учите итальянский и французский, но не опускаетесь до русского. И почему, спрашивается, Кэмпбелл помог тебе, скупив все долги фабрики?

Помог?...

– Он пытается уничтожить меня!

Худощавый не обратил на ее слова никакого внимания. Блин же нахмурился и пробурчал:

– А что, если она все же не шпионка, а, Николай?

Шпионка?... Этого еще не хватало!

Николай отпустил ее волосы, и голова Оливии откинулась на подушку.

– Тогда она нам не нужна, и мы ее уьем. – Он провел пальцем по щеке пленницы. – Не сразу, конечно. Со временем.

Оливия бы плюнула ему в лицо, не будь во рту так сухо. Ей очень хотелось снова закрыть глаза, но нельзя было, чтобы Николай понял, как она испугана. Конечно, она не сможет вступить с ним в драку, но просто так не сдастся.

Блин подошел поближе. Его толстые пальцы теребили бороду; он явно нервничал.

– Граф рассердится, если она будет травмирована и не сможет говорить, – проворчал великан.

– Мне плевать на графа! Я знаю его с университета!

– Тогда тебе хорошо известно, что он не терпит ослушания.

Оливия не знала слов, которые выкрикнул Николай, отойдя от кровати, но предположила, что это было какое-то ругательство.

– Тогда можешь сам присматривать за ней. Я не нянька. Но не смей ее развязывать. Помни, что я сказал. – С этими словами Николай захлопнул за собой дверь.

Блин несколько секунд постоял у кровати. Потом отошел, налил в чашку воды и протянул руку к Оливии. Она инстинктивно отпрянула, но затем все же позволила ему помочь ей сесть. Он стал поить ее, и чашка в его огромной руке казалась игрушечной.

– Николай думал, что ты симпатичнее. Так он сказал. А по-моему, ты очень красивая. – Оливия подумала, что это своего рода извинение. Или попытка проявить доброту.

Вода имела привкус плесени, но она выпила все до капли. Потом Блин достал из кармана кусок хлеба и протянул ей. Хлеб был жестким и мерзким на вкус, но Оливия все-таки его съела, чтобы поддержать силы. Неизвестно, когда ей дадут еще какой-нибудь еды. После того как она проглотила последний кусочек, Блин отнес ее к зловонному ночному горшку, стоявшему в углу. После чего снова положил ее на кровать. Оливия чувствовала, что ее лицо полыхает огнем, но похитителя, похоже, ничего не беспокоило.

Вскоре она немного успокоилась и осмотрелась. И ей вдруг почудилось... какое-то движение? Прошло еще несколько секунд, и она услышала плеск воды.

Господь милосердный! Сердце ее гулко заколотилось, а к горлу подступила тошнота.

Выходит, она на корабле!

– Как долго... я спала?

Оливия помнила, как Николай сунул ей в рот какое-то снадобье и зажал нос, так что ей волей-неволей пришлось проглотить. Но Блин проявлял к ней некое подобие доброты, и она не желала настраивать его против себя. Только она не знала, как по-русски «без сознания».

– Почти целый день.

Значит, не было ни единого шанса на то, что они все еще в порту.

– Куда мы направляемся?

Блин сел. Старый стул жалобно скрипнул под ним.

– К графу.

Сегодня ей постоянно говорят о людях, которых она не знает. Малышка. Васин. Граф.

– К какому графу?

Блин скрестил руки на груди, и Оливия увидела длинные царапины на тыльной стороне одной из них. Это она его расцарапала, когда он выносил ее из дома. Почему-то ее охватило чувство вины. Но если бы она поцарапала Николая, то, вероятно, испытывала бы гордость.

– Николай велел ничего тебе не говорить. Он сказал, что ты здорово умеешь обводить мужчин вокруг пальца.

Оливия мысленно обругала неведомую ей женщину, за которую ее принимали. Хотя сейчас ей бы не помешали способности этой незнакомки.

– Но я же все равно рано или поздно встречу с графом. Что изменится, если ты сейчас скажешь, кто он?

Блин качнулся на скрипучем стуле и сообщил:

– Граф – это хозяин.

– Он тебя нанял?

Блин нахмурился и буркнул:

– Я работаю в его поместье.

Оливия вспомнила, что у русских помещиков до сих пор имелись рабы, которых называли «крепостными».

– А Николай – тоже? – спросила она.

– Нет. Он его друг.

– Почему вы везете меня к нему?

Блин бросил на нее сердитый взгляд:

– Ты украла бумаги.

– Я ничего не крала!

Великан встал и проворчал:

– Николай предупреждал, что ты так и будешь говорить. Он сказал, что ты лгуня.

– Я не лгу. – Блин был ее единственным шансом; она должна была убедить его. – Я не шпионка. Вы похитили не ту женщину.

«Судя по всему, русскому не понравилось слово “*похитили*”», – мысленно отметила Оливия. Что ж, возможно, он просто выполнял приказы и не задумывался о последствиях. Придется все ему объяснить... Он, конечно, не блещет умом, но все же не дурак. Не исключено, что ей удастся убедить его в своей невиновности. Следовало постараться привлечь его на свою сторону.

– Вы меня похитили, понимаешь? Вы с Николаем вытащили меня из дома, угрожали мне. Это серьезные преступления...

– У меня не было выбора.

– Возможно, не было. Зато теперь он у тебя есть. Если ты меня развяжешь...

Тут распахнулась дверь и вошел Николай.

– Хватит, Блин. Выходи.

– Она говорит, что не шпионка.

– Подумай хорошенько. – Николай дал громиле легкий подзатыльник. – Если она не шпионка, то откуда же у нее зашифрованные письма от шпиона?

Великан молча пожал плечами.

– Пойдем, Блин. – И оба вышли из комнаты, вернее – из каюты.

Оливия тяжело вздохнула. Выходит, у нее есть зашифрованные послания от шпиона? Так вот чем Клейтон занимался все эти десять лет!

Клейтон в очередной раз чертыхнулся, пробираясь по улицам Санкт-Петербурга. Судно, которое он конфисковал, было более быстроходным, чем фрегат похитителей, но в проливе Эресунн все время дул неблагоприятный ветер, и задержка оказалась довольно длительной. А потом потребовалось время, чтобы найти в Кронштадте человека, раздобывшего ему необходимые бумаги, чтобы выбраться с острова, на котором располагался порт, и оказаться в Санкт-Петербурге.

Согласно записям начальника порта, судно похитителей прибыло накануне утром. Следовательно, он отставал на полтора дня. Но Клейтону было отлично известно, что в некоторых ситуациях день может длиться вечность. Французам, например, потребовалось всего несколько минут, чтобы содрать кожу с его спины, и час, чтобы сломать все...

Клейтон плотнее завернулся в теплый плащ, усилием воли отбросив воспоминания. Он выжил. Французы потерпели поражение.

Оливия же находилась у похитителей уже шестнадцать дней.

Ощущение пустоты в груди усилилось. И если ему требовалось доказательство того, что его душа мертва, то можно было считать, он его получил. Никаких чувств – ни паники, ни отчаяния; все эти чувства уже давно его покинули. Теперь осталась только пустота в груди – бездна, которая с каждым днем становилась все глубже.

Он найдет Оливию. И уничтожит похитителей. Все очень просто.

Уличная грязь начала подмерзать, так что образовалась ледяная корка, хрустевшая под ногами. Холод усилил боль в правой руке – там, где неправильно срослись кости, и пришлось засунуть руку под плащ. К несчастью, и плащ его, и перчатки были рассчитаны на английскую зиму, а не на русскую, так что это не слишком помогло.

Несмотря на мороз, дверь в «Молот и наковальню» была распахнута настежь. Клейтон вошел и сел. Он даже не пытался искать Дейзи – был уверен, что она ни за что не пропустит его появления. Ведь она знала все, что происходило в ее владениях.

Этим заведением, как и многими другими гостиницами и постоялыми дворами Санкт-Петербурга, владел иностранец, точнее, иностранка, англичанка. Но в отличие от большинства из них в «Молоте и наковальне» была весьма специфическая клиентура. Рано или поздно через этот постоялый двор проходили все русские бродяги и преступники. И Дейзи удавалось получать от них ценную информацию.

Как и следовало ожидать, Дейзи возникла рядом с его столом даже раньше, чем принесли заказ. Пухлые щеки с ямочками и начавшие сесть волосы придавали ей вид добродушной и приветливой фермерши. И лишь немногие знали, что у этой симпатичной женщины – сердце акулы.

Возможно, именно поэтому Клейтон так хорошо с ней ладил.

– Шифровальщик? Не думала, что увижу тебя снова. – Акцент выдавал ее валлийское происхождение, но был сглажен русским глянцем – слишком давно она жила в Санкт-Петербурге.

Хозяйка поставила перед ним стакан с водкой, который он проигнорировал.

– Значит, ты снова работаешь, – заключила она.

– Группа правдинцев опять в деле?

Дейзи побарабанила пальцами по столу.

– Она никогда и не прекращала своей деятельности. Ненависть к царю не может прекратиться из-за смерти одного революционера. Кто-то другой поднимает упавшее знамя и продолжает дело. Я уже давно слышу о них.

– Где они? Кто их теперь возглавляет?

Дейзи несколько секунд помолчала, потом спросила:

– Ты ведь помнишь, как мы всегда работали? Ты сообщал мне что-то ценное, а я решаю, могу ли тебе помочь.

«Но что же ей сообщить?» – подумал Клейтон.

– Они пытались похитить Малышку.

Хозяйка прикусила губу.

– Успешно?

– Нет. – Не было никаких оснований рассказывать Дейзи об Оливии.

– Что ж, очень интересно... Так вот, кто сейчас является их лидером, я сказать не могу.

Но многие члены группы систематически посещают поместье графа Аршуна. – И Дейзи рассказала, как отыскать поместье.

– Что они затевают?

– Этого я тоже не знаю. Но знаю кое-что другое... В конце этой недели день рождения великой княгини. И будет торжественно показан портрет императорской семьи.

– Почему это тебя заинтересовало? Императорская семья постоянно заказывает какие-то портреты, пока народ голодает.

– Это портрет всей семьи. Дяди, тети, кузины, племянники. Художник три года путешествовал по всей России, делая наброски.

Клейтон ждал. Дейзи никогда ничего не говорила без цели.

– И якобы художник рисовал этот групповой портрет под личным надзором царя и в соответствии с его указаниями. Всем любопытно, какими видит самодержец своих близких.

– И все они придут на праздник, чтобы уяснить для себя степень императорской милости?

– Все до единого. Они не собирались в таком составе со времени коронации Александра. Многие гости моего постоянного двора считают, что будет очень интересно.

Итак, революционеры, ненавидевшие монархию, активизировались в тот самый момент, когда намечался большой сбор царственных особ.

А Дейзи между тем продолжала:

– Но лично мне чрезвычайно интересно другое... Если они не сумели похитить Малышку-то, почему ты здесь?

– У них есть то, что им не принадлежит. – Клейтон видел, что женщину мучило любопытство, однако она не стала настаивать. Опыт всегда подсказывал ей, когда следует остановиться.

Хозяйка помолчала, потом вновь заговорила:

– Но правдинцы уже не те, что раньше. Они стали более необузданными. Я бы даже сказала – неуправляемыми. Насколько я понимаю, ты здесь один.

Клейтон бы многое отдал за то, чтобы с ним рядом сейчас оказались Йен и Мэдлин. Но он мог спасти Оливию и сам.

– Я и один получу то, за чем приехал.

Дейзи пожала плечами.

– Что ж, желаю хорошо провести вечер. – Она встала, очевидно, считая разговор законченным.

Но у Клейтона было другое мнение.

– Ты все еще в долгу передо мной. – Он указал на отверстие от пули в балке перекрытия. Оно напоминало о том, как полиция штурмовала постоянный двор. Тогда «Трио» пришлось немало потрудиться, чтобы спасти хозяйку заведения от виселицы.

Дейзи побледнела.

– С твоей стороны жестоко напоминать мне об этом.

Клейтон не стал спорить.

– Мне нужны кое-какие припасы, – заявил он.

Глава 5

Оливия прижалась лицом к оконному стеклу, пытаясь рассмотреть, что происходило внизу, во дворе. Во второй половине дня приехал экипаж – новый и яркий, с золотым гербом на дверце. Наконец-то вернулся граф Аршун в сопровождении трех хорошо одетых спутников. Двое были совсем молоды, один – постарше. Она не знала, где граф находился в течение двух последних дней. Блин тоже этого не знал.

Вслед за экипажем во двор въехали телеги, нагруженные длинными деревянными ящиками. Оливия понятия не имела, что в них, но мужчины выгружали и переносили их с большим трудом.

Неожиданно раздался громкий треск и крик. Один из ящиков упал и развалился. Что это? Трубы? Нет! Ружья и мушкеты!

Оливия отшатнулась от окна и принялась расхаживать по комнате, завернувшись в грубое шерстяное одеяло, хотя оно почти не грело. Но Оливия все равно была искренне признательна Блину за то, что он раздобыл для нее этот «наряд». Об угле для маленькой печки, что была в комнате, она даже не помышляла.

Приехал граф. И он ее совсем не ждал. Он ждал Малышку.

Оливия прикинула расстояние от окна до земли. Даже если она сумеет разбить окно и выбраться, падение на землю ее убьет.

Что ж, возможно, это не такой уж плохой выход. По крайней мере все произойдет быстро, и это будет ее собственный выбор. Однако она не могла решиться на столь отчаянный поступок. В ее душе еще жила надежда.

– Блин! – крикнула она. Этот мужчина был добр к ней и охранял ее от Николая и прочих обитателей дома. Оливия не знала, спал ли он за ее дверью, но он находился там, когда она засыпала и когда просыпалась. Возможно, Блин не очень умен, но у него доброе сердце. И еще он очень упрям...

– Да, барышня...

Она не раз предлагала ему назвать ее по имени, но он отказывался, предпочитая именовать пленницу так, как привык.

– Ты знаешь, когда я встречу с графом?

В ответ – молчание.

Оливия со вздохом прислонилась к двери. Ведь раньше Блин всегда отвечал ей... Они говорили о его матери, жившей в имении графа, а также о сестре Оксане, дворовой собаке, бабушкиной козе и его ссорах с братьями. В общем, говорили о самых простых вещах, и эти разговоры помогли ей сохранить рассудок.

В замке внезапно повернулся ключ, и Оливия отошла от двери, рассчитывая увидеть великана. Но на пороге возник Николай, держащий в руках синее шерстяное платье.

– Наденешь это. Граф хочет видеть тебя за ужином.

Блин проговорился о том, как жестоко относится граф к своим крепостным. И Оливия вовсе не рвалась с ним встретиться. Но ужин означал возможность выйти из комнаты, и это был шанс на побег.

Должно быть, она колебалась слишком долго, потому что Николай достал из кармана нож.

– А если снова станешь утверждать, что не являешься Малышкой, то я убью тебя и сэкономлю графу время.

Оливия молча взяла платье.

Николай внимательно осмотрел ее с ног до головы и вдруг, смутившись, добавил:

– Служанка принесет воды и поможет тебе причесаться.

Насколько Оливия успела понять, неизвестная ей Малышка была настоящей красавицей, с легкостью соблазнявшей мужчин. Возможно, в душу Николая – если, конечно, она у него имелась, – наконец-то закралось сомнение. И Оливия постаралась сыграть на этом.

– А я-то думала, что ты уверен в отношении меня.

Николай бросил на нее сердитый взгляд:

– Я уверен.

– Тогда почему ты беспокоишься из-за графа?

– Он очень строг.

– Ты же говорил, что Аршун – твой друг.

Николай в испуге оглянулся.

– Я никогда не претендовал на эту честь. Он наш лидер... наставник.

Тут пришла служанка, и Николай поспешно ретировался. Оливия решила, что должна бы порадоваться – ведь он не будет наблюдать, как она раздевается. Но она почему-то вдруг встревожилась.

– Как тебя зовут? – спросила она у служанки.

Та даже не взглянула на нее.

– Я никому не скажу, что ты со мной разговаривала, – продолжала Оливия.

Снова молчание.

Что ж, вероятно, от этой девицы она не узнает ничего нового. Оливия хотела воспользоваться свободным временем, чтобы придумать план побега, но это оказалось невозможным из-за полного отсутствия информации. Однако она точно знала: при первой же возможности надо бежать.

После того как девушка закончила свою работу, Оливия осторожно потрогала какие-то сложные украшения, которые были вплетены ей в волосы, и вздрогнула. В этом платье ее плечи и грудь казались непривычно открытыми, и ей стало холодно. Она даже порадовалась, что в комнате не было зеркала. Без него ничто не мешало ей представить, что она превратилась в соблазнительную красавицу.

Оливия сделала глубокий вдох и решительно расправила плечи. Нет, она не отступит! Ей уже приходилось сталкиваться с разъяренным членом палаты лордов. Русский граф не мог быть страшнее.

А то, что Малышка делала на своем шпионском поприще, вероятно, не слишком отличалось от всего, что делала она, Оливия, стараясь убедить политиков не вешать детей. Да, она умела льстить и умела находить общий язык с самыми разными людьми. Случалось ей и рассказывать трагические истории, от которых у мужчин наворачивались слезы на глаза.

Она даже научилась трепетать ресницами...

Да-да, она справится. И если граф хочет получить Малышку, то она станет Малышкой.

Или по крайней мере заставит графа поверить, что может ею быть. Он определенно не ждал от нее немедленных признаний. Главное – не забыть, что она говорила раньше. Так что лучше всего назвать ему свое настоящее имя – Оливия Свифт. Чем ближе к истине, тем лучше.

Она надеялась, что к графу ее поведет Блин, но в комнату опять вошел Николай. Внимательно оглядев ее, он нахмурился и достал кармана два металлических кольца.

Если он считает, что она позволит снова ее связать...

Но это оказались всего лишь серебряные браслеты. Прохладный металл скрыл синяки и ссадины на запястьях.

Руки Николая, застегивавшего браслеты, были влажными.

– Боишься? – спросила Оливия. – Насколько я помню, граф велел не причинять мне боли.

Его губы дернулись; он явно сделал над собой усилие, стараясь сохранить лицо.

– Все в порядке. Граф поймет мои методы. В конце концов, он выбрал именно меня для этой миссии.

Николай схватил ее за руку и повел вниз по ступенькам. Оливия внимательно смотрела по сторонам. У нее был только один шанс спастись, и она ни за что его не упустит. Иначе ее или убьют, или посадят в темницу.

Насколько ей удалось увидеть из окна, все слуги суетились во дворе. В коридоре же не было ни души. Только Николай.

Лучшей возможности ей не представится.

Оливия изо всех сил ткнула Николая локтем в живот, вырвалась, метнулась в пустую гостиную и, прижав дверь стулом, подбежала к окну. Оно было закрыто, и она стала лихорадочно дергать за шпингалет. Но только ободрала пальцы.

Стул, натужно скрипя, заскользил по полу. Дверь начала открываться.

Оливия осмотрелась в поисках чего-нибудь тяжелого. Подсвечник. Книга. Что угодно – только бы разбить оконное стекло.

Неожиданно голова взорвалась болью, и Оливия упала на маленький столик, отлетев вместе с ним к стене.

Над ней склонился красный от злости Николай.

– Идиотка! – заорал он. Схватив Оливию за руку, он резко поднял ее на ноги и стал трясти так сильно, что у нее едва не отвалилась голова. – Ты даже не понимаешь...

– Что здесь происходит? – раздался незнакомый мужской голос. Причем незнакомец говорил по-французски.

Николай тотчас отпрянул, и Оливия увидела стоявшего в дверях хорошо одетого юношу. Он был совсем молод – не больше двадцати. Худощавый, светловолосый, в дорогой одежде. За его спиной маячили двое слуг.

– Она хотела сбежать. – По-французски Николай говорил намного хуже, чем по-английски. Хотя, насколько Оливия помнила, русские аристократы предпочитали французский.

Юноша же с любопытством уставился на пленницу.

– Это же Малышка, – проговорил он. – Надо было послать стражников, чтобы ее привели.

Если это граф, то у нее, возможно, все же был шанс уцелеть.

– Что ж, ты вполне оправдала мои ожидания. Даже, пожалуй, превзошла их. – Аршун буквально пожирал глазами ее грудь.

А что, если он поставит на кон ее тело? Сможет ли она пойти на это?

Оливия вздохнула, не в силах принять решение. Граф молод. Возможно, ей удастся его уговорить...

– Я не Малышка. Я дочь владельца бумажной фабрики, – заявила она.

Аршун весело засмеялся – как будто услышал замечательную шутку.

– Так я и думал! Чудесно! – Он прочистил горло, словно собирался произносить очередную реплику из какой-то роли. – Не дразни меня. Я ведь знаю, что ты можешь взломать шифр, – добавил граф с ухмылкой.

О Господи, что же это за игра?

– Я ждал нашей встречи, – продолжал Аршун. – И мне не терпится услышать, как ты соблазнила нашего славного основателя. Насколько я знаю, он был закоренелым холостяком и никогда не достаивал вниманием женщин. И если ты смогла совратить его... Я хочу знать, что ты сделаешь для меня. – Он поднес к губам ее руку и вдруг замер, уставившись на синяк, видневшийся из-под браслета.

Другой рукой граф сдвинул браслет и увидел синяки, оставленные веревками.

– Ты пометил ее! – воскликнул он. – Я же сказал, что на ее теле не должно остаться меток! – Его голос стал капризным, как у испорченного ребенка. – Вот как ты платишь за мое доверие?...

Николай прижался к стене и с дрожью в голосе пробормотал:

– Но я ведь должен был убедиться...

Аршун, не оглядываясь, щелкнул пальцами. Мужчина, стоявший справа от него, выхватил из-за пояса пистолет и выстрелил Николаю прямо в сердце. Тот рухнул на пол с выражением удивления и обиды на лице.

У Оливии потемнело в глазах. Колени подкосились. Она поняла, что вряд ли сумеет сделать хотя бы один шаг. Но Малышка, несомненно, видела много смертей, поэтому не могла лишиться чувств из-за того, что рядом с ней застрелили человека. Вот и она, Оливия, не могла себе позволить такой роскоши.

«Не смотреть вниз. Только не смотреть вниз», – подумала она.

Оливия ненавидела Николая, но теперь его кровь быстро пропитывала ковер, и пятно уже подбиралось к ее атласным туфелькам. Она хорошо знала себя и понимала, что непременно грохнется в обморок, если только посмотрит вниз.

Чтобы избежать такой неприятности, Оливия уставилась на блестящую серебряную пуговицу на жилете графа и с улыбкой проговорила:

– Вы очень решительный лидер...

Аршун гордо выпятил грудь.

– Таким и должен быть лидер. А теперь давай пройдем в столовую. Я тебе расскажу о своих планах касательно императорской семьи.

Клейтон отполз от разбитого ящика. Значит, Аршун собирал оружие. Плохо, очень плохо...

Но пока оружия было немного. Вероятно, около сотни стволов. Придется все это уничтожить.

Но сначала он должен найти Оливию.

Клейтон переступил через слугу, которого связал и оставил рядом с ящиками. Лысый громила еще не шевелился, но его теплый тулуп сохранит ему жизнь до тех пор, пока он не очнется или пока его не найдут.

Держась в тени, Клейтон подкрался к ярко освещенным окнам. Сначала следовало оценить обстановку, понять, где размещаются люди в доме, а уж потом – начинать поиски. Определив количество слуг и местонахождение графа, можно будет провести разведку и установить, где держат Оливию.

Да вот же она!

На всякий случай он приготовился к тому, что прибудет слишком поздно и обнаружит ее истекающей кровью или даже мертвой.

Но он не был готов к тому, что увидит, как она ест черепаший суп и промокает губы белоснежной льняной салфеткой. У Клейтона заурчало в животе. Сколько завтраков, обедов и ужинов он пропустил, торопясь сюда?

Оливия улыбнулась сидевшему рядом с ней молодому человеку, не отрывавшему горящих глаз от ее декольте. Граф Аршун. У Клейтона было несколько часов на сбор сведений о нем. Теперь он знал, что граф – испорченный и очень жестокий человек, которого люто ненавидели крепостные, а большая часть аристократии его игнорировала. Но он многое обещал петербургской бедноте.

Оливия кокетливо склонила головку и поднесла к губам кусочек цыпленка.

А может быть, она снова его обманула? Может, все это ловушка, расставленная специально для него? Возможно, его хотели заманить сюда. Клейтон понимал, что в нем говорило

тщеславие, но все же... Почему она до сих пор жива и здоровует, находясь в руках у самой жестокой революционной группы России? Не потому ли, что здесь ждут его?

Несколько лет назад фабрика возродилась благодаря внушительному притоку капитала. Клейтону так и не удалось выяснить, откуда взялись эти деньги. Он подозревал, что отец Оливии снова занялся чем-то преступным.

Но что, если этим занималась сама Оливия?

Глава 6

Аршун открыл ящик стола и достал оттуда какую-то бумагу.

– Это тебе знакомо?

Оливия покачала головой. Но граф не нахмурился с раздражением, как делал неоднократно в этот вечер, а лишь вскинул подбородок.

– Ты не знала, что Васин сделал копию?

– Копию – чего?

Физиономия Аршуна скривилась в злобной гримасе.

– Своих приказов. Указаний, как связаться с агентом, которого он внедрил.

– Вы не знаете, как связаться с вашим собственным агентом? – В голосе Оливии прозвучало искреннее удивление.

Слушая хвастливые монологи Аршуна за ужином, Оливия узнала, что через неделю царь и вся его семья будут убиты. Россия якобы возродится, а сам Аршун станет очень могущественным. Судя по всему, граф не сомневался в успехе.

Аршун бросил взгляд на стражников, внимательно изучавших пол у себя под ногами. Когда же он вновь заговорил, его слова прозвучали резко и отрывисто.

– Нам всего лишь надо знать, как отдать ему приказ продолжить работу. Старые дураки, которые смогли взломать шифр, были казнены или сосланы в Сибирь императором. Все считали, что план Васина безумен и сам собой потеряет силу после его смерти. Но я увидел в этом человеке искру гениальности, поэтому стал рыться на пепелище и мало-помалу возродил группу. Люди пойдут за мной.

– Но только в том случае, если вы сможете взломать шифр?

– Тайный агент – только одна часть моего плана. Я вовсе не глуп.

Оливия уже не раз задавалась вопросом: что подумали бы об Аршуне первые русские революционеры, мечтавшие о возрождении России.

– И вы считаете, что Малышка сумеет взломать шифр? – Она потянулась за листком, но Аршун уронил его в ящик.

– Ты это сделаешь. – Он взял ее за руку и прижался к ней губами. – Непременно сделаешь.

Оливия отдернула руку и вытерла ее о юбку. Ох, не следовало ей это делать. Потому что Аршун злобно зашипел и достал нож – богато украшенный кинжал – из ножен на поясе.

Оливия попыталась отступить, но страж, в мгновение ока очутившийся за ее спиной, преградил ей дорогу. Аршун же прижал лезвие к ее горлу и проговорил:

– Если один из прежних лидеров, за которыми я уже послал, прибудет раньше, чем ты взломаешь шифр, ты станешь для меня бесполезной. – И он провел кончиком ножа по ее щеке, оставив короткий порез под подбородком.

Оливия вскрикнула и прижала пальцы к кровоточащей ранке. Теперь нож переместился на ее щеку.

– Порежь меня еще раз, и ты никогда не узнаешь, что там написано. – Она бы сказала что угодно, чтобы защититься, но именно этого все же говорить не следовало.

Время. Во что бы то ни стало ей необходимо выиграть время.

– Мне необходимо остаться одной, чтобы спокойно поработать над шифром, – сказала Оливия.

– Думаешь, что сумеешь сбежать?

– Из этой комнаты? – Оливия посмотрела по сторонам. – Такое вряд ли возможно. Но работа кропотливая. И мне нужно сосредоточиться. – Она старалась говорить спокойно,

несмотря на подступившую к горлу тошноту. – Я ничего не смогу сделать, если меня будут отвлекать.

Аршун покосился на стражей и опустил нож. Потом достал из ящика бумагу и протянул ей.

– Ты сделаешь всю работу к утру. Если попытаешься меня обмануть, умрешь. Отведите ее в комнату.

Через несколько минут Оливия рухнула на узкую койку, прижимая листок к груди. Господи, что же она наделала? Оливия зажала одеялом ранку на горле, и вскоре кровь остановилась. Потом она как могла вытерла кровавые потеки на шее и на груди. До утра ей необходимо сделать невозможное. Значит, она всего лишь выторговала себе несколько лишних часов жизни.

Она знала о шифрах очень мало – только то, чему научилась, расшифровывая любовные записки Клейтона. Уже на второй неделе знакомства он отправил ей зашифрованное послание. В первый момент Оливия была совершенно сбита с толку и даже немного обиделась. И только через два дня поняла, что бессмысленная путаница букв – это на самом деле шифр. Еще через день она его прочитала.

Тогда она была юной и легкомысленной, и у нее закружилась голова от радости. Но у нее ни разу не кружилась голова от восторга после «смерти» Клейтона.

О нет, она не пребывала постоянно в депрессии, не стала вялой и апатичной, безразличной ко всему на свете. Она бывала иногда довольной. И гордой. Даже счастливой. Но у нее никогда не кружилась голова от радости.

Оливия глубоко вздохнула и принялась внимательно изучать символы на листке. Но прошло всего несколько минут, и свеча, которую ей оставили, зашипела и погасла. Надо было загородить ее от сквозняка из-под двери.

Увы, теперь уже слишком поздно. Комната погрузилась в темноту.

Завтра она, Оливия Свифт, умрет. Или, возможно, сначала ее подвергнут пыткам, а потом убьют.

Она невидящим взглядом уставилась в темноту. Может быть, ей еще раз поможет Блин? Он ждал у двери, когда ее привели сюда стражники, и явно побледнел, увидев кровь на ее руках и на шее. Он определенно не желал ей смерти. Конечно, нехорошо использовать его доброту против него же самого, но выбора у нее не было.

Оливия услышала голоса за дверью и дождалась, когда они стихнут. Потом позвала:

– Блин!

Ответа не последовало.

– Блин! – Лязгнул засов, и Оливия отскочила в сторону, уронив бумагу. Дверь распахнулась. – Блин, у меня погасла свеча, и я...

Даже в полной темноте было ясно, что мужчина в дверях не Блин. Оливия вздрогнула – и замерла. Она сразу узнала высокую широкоплечую тень, остановившуюся в дверном проеме.

– Клейтон... – пробормотала она, ошеломленная.

– Иди за мной, – проговорил он едва слышным шепотом.

Клейтон никак не мог ожидать, что Оливия замрет на месте, переступив порог.

– Что случилось с человеком, охранявшим мою дверь?

Она говорила очень тихо, но Клейтон все же прижал ее к стене, закрыв ей рот ладонью. И в тот же момент он вдруг вспомнил о том, как когда-то он зажимал ей рот, дабы заглушить ее хихиканье, когда они убегали с фабрики ее отца, чтобы поцеловаться.

Он убрал руку с ее рта, хотя ему нравилось слушать, как она хихикает даже сквозь его ладонь. Словно ничто не могло удержать рвущуюся наружу радость. Казалось, она вся была наполнена жизнью, энергией, счастьем. Схватив его за руку, она увлекла его за собой мимо полки с подсыхавшей бумагой.

– Мы выйдем на улицу, и никто не заметит...

Но только она не хотела ждать. Ее губы тотчас же нашли его губы. От нее пахло ягодами и чаем. И он прижался к ее губам поцелуем, чувствуя себя восхитительно живым только потому, что обнимал ее. Интересно, как она...

Но сегодня – никаких поцелуев. Им и выжить-то удастся, только если очень повезет.

Клейтон отвел взгляд от ее соблазнительных губ и взгляделся в знакомые глаза, высискивая признаки предательства. Но к счастью, не нашел.

– Я отправил его с поручением, – прошептал он прямо ей в ухо. – Если ты произнесешь еще хотя бы слово, я оставлю тебя здесь, ясно?

Оливия кивнула, старательно сдерживая дрожь. Ее пальцы судорожно сжимали тонкое одеяло, закрывавшее плечи и грудь.

Клейтон махнул рукой, предлагая ей следовать за ним, и пошел вперед очень быстро, замедляя шаг лишь на поворотах, чтобы проверить, пуст ли следующий коридор. Они шли довольно долго, прежде чем дорогу им преградил охранник.

Клейтон схватил Оливию за руку и молча зашагал прямо к стражу, немного сбитому с толку. В такой разношерстной и не имевшей определенной структуры организации, как группа революционеров, лучше всего действовать так, будто ты выполняешь приказ.

– Граф послал за мной, – сказала Оливия, не выдержав молчания.

Стражник взглянул на нее с подозрением.

– Но комнаты графа...

Клейтон заставил его замолчать сильным ударом по голове, затем оттащил бесчувственное тело в одну из пустых комнат.

– Я же просил соблюдать тишину.

Оливия опустила глаза на его руки, но Клейтон вытолкнул ее вперед до того, как она успела заметить странную форму его правой руки. Хотя, возможно, следовало дать ей как следует рассмотреть результат деяний ее папаша. И ее собственных.

Клейтон вел Оливию перед собой, точно пленницу. Они прошли мимо служанки, полировавшей перила лестницы, но та не обратила на них никакого внимания. Он вел Оливию к комнате, которую заранее облюбовал для побега – там было открыто окно. Но она неожиданно замерла, повернулась к нему и жестом сообщила о своем намерении вернуться назад.

Клейтон решительно покачал головой и подтолкнул ее вперед, но она не подчинилась.

Если она будет и дальше упрямиться, их схватят. Неужели таково ее намерение? Тогда, десять лет назад, она, возможно, не замышляла ничего дурного, но теперь...

Жизнь научила его доверять своим инстинктам. Не следовало обманывать самого себя. Он должен бежать, предоставив ее самой себе. Пусть плетет интриги, сколько ей вздумается.

Но Оливия казалась очень серьезной. И очень искренней.

– Мы должны вернуться, – прошептала она. – Они замышляют ужасные вещи. В моей комнате осталась бумага. Она поможет нам их остановить.

Клейтон снова покачал головой:

– Нет.

Она упрямо вскинула подбородок.

– Тогда я пойду одна.

– За это стоит умереть?

Оливия несколько мгновений колебалась, потом ответила:

– Возможно.

– Я буду ждать тебя здесь. – Клейтон указал на дверь комнаты, до которой они так и не дошли. – Я уйду ровно через пять минут – с тобой или без тебя.

Он был уверен, что Оливия откажется от своей глупой затеи, но она утвердительно кивнула и побежала назад. Вот упряmica! Ей всегда надо настоять на своем.

Клейтон несколько секунд помедлил, потом тихо двинулся за ней. Ее упрямство, возможно, просто ловушка. И вовсе он не тревожился о ее безопасности. Во всяком случае, не слишком сильно.

Одеяло, которым она закрывала плечи, не скрывало легкое покачивание ее бедер и изящную походку. За десять лет ничего не изменилось. Она и сейчас двигалась чуть порывисто, словно ей было трудно оставаться в покое. Нет, пожалуй, дело не в этом. Ее движения скорее можно назвать вороватыми...

Но она поступила именно так, как сказала, – зашла в свою промерзшую комнату.

Услышав, что Оливия возвращается, Клейтон поспешил вперед, вбежал в гостиную и открыл окно.

Она вошла в одиночестве, сжимая в руке листок бумаги.

У него отлегло от сердца. Она вернулась одна, без стражников. Она не предала его.

Хотя... ночь еще не окончилась.

Стоя у окна, Клейтон взял у нее бумагу и спрятал в карман. Позже он выяснит, почему Оливия посчитала ее столь важной, что рискнула ради нее жизнью.

Игнорируя сильную боль в правой руке, он опустил свою спутницу на траву под окном. Оливия показалась ему необыкновенно теплой – это чувствовалось даже сквозь одеяло. И еще она была... Клейтон тут же запретил себе думать об этом. Выпрыгнув из окна, он легко приземлился рядом с ней.

Они успели сделать не более двух шагов, когда в доме началась суматоха. Отсутствие Оливии заметили.

Она бросилась вперед, и Клейтон едва успел схватить ее за локоть. Если они устроят забег по открытой местности, их наверняка поймают.

– Пригнись, – тихо приказал он. – Двигайся медленно и осторожно.

Оливия кивнула и пошла за ним, примериваясь к его шагам. Ее безусловное подчинение смутило Клейтона, вызвало желание обнять ее и прижать к себе. Но время для этого явно было неудачное.

Теперь им предстояло продираться сквозь кусты. Голые ветки больно хлестали по лицу и царапались даже сквозь плотную ткань плаща. Мысленно выругавшись, Клейтон обнял Оливию, чтобы хотя бы немного защитить ее. Она явно потеряла в весе с тех пор, как он обнимал ее в последний раз. Он помнил, как его руки скользили по ее плечам и обнимали за талию. И помнил, какой восторг он при этом испытывал... хотя ни за что не признался бы в этом даже под пытками.

Вот и теперь, когда их пути разойдутся... Ох, похоже, ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Тут двери дома распахнулись, и оттуда стали выбегать стражники с факелами в руках.

Оливия вопросительно взглянула на него. Дыхание, вырывавшееся из ее полуоткрытого рта, застывало в морозном воздухе легким туманом. Рука Клейтона, обнимавшая ее за талию, напряглась, и он ускорил шаг, стараясь думать только о спасении и не отвлекаться. Наконец они добрались до поляны, где он привязал лошадей.

Клейтон забросил Оливию в седло и приказал ей:

– Гони!

Глава 7

Она старалась не упускать из виду спину Клейтона, гнавшего свою лошадь галопом чуть впереди. Разметавшиеся от ветра волосы Оливии хлестали ее по лицу, а глаза слезились от холода. Ей отчаянно хотелось утереть глаза, но она боялась выпустить из рук луку седла, понимая, что сразу свалится на землю. Ей никогда не приходилось ездить верхом, и она даже не видела такого странного седла с высокой спинкой. Кроме того, Оливия не была уверена, что сможет пошевелить пальцами.

К несчастью, ее одеяло уже давно улетело, сорванное ветром. Вначале она не замечала холода, но теперь не могла думать ни о чем другом. Оливия стала вспоминать, когда ей доводилось больше всего страдать от жары. У котлов паровой машины в прошлом августе? Да, тогда ей было ужасно... восхитительно жарко. Ну и еще в почтовой карете, застрявшей жарким летним вечером в Бате. Вот, пожалуй, и все.

Скачка казалась бесконечной. Оливия потеряла счет времени и уже не могла сказать, сколько все это продолжалось – двадцать минут или два часа.

Наконец Клейтон остановился у высокой поленницы. Оливия с трудом оторвала руку от луки седла. Слезы застыли у нее на щеках крошечными льдинками. Она хотела стереть их тыльной стороной ладони, но руки слишком сильно дрожали. И казалось, они вообще утратили чувствительность.

Тут Клейтон прыгнул на землю и нахмурился, когда она не сделала того же.

– Мы должны попасть внутрь, – сказал он.

Внутрь? Внутрь... чего? Она посмотрела на него вопросительно.

Клейтон указал на поленницу, и Оливия наконец заметила в центре ее небольшую дверь. Штабель бревен оказался хижинной. Оливия не осознавала, что тупо таращится на нее, пока Клейтон не подхватил ее и не стащил с лошади.

Затем он осмотрел ее и проворчал:

– Черт возьми, твое одеяло?

Оливия молча покачала головой. Язык отказывался ей повиноваться.

Клейтон сорвал с себя плащ и накинул ей на плечи. От неожиданно окутавшего ее тепла колени у нее подогнулись. Оливия хотела схватить Клейтона за руку, чтобы удержаться на ногах, но он резко отдернул руку, пробормотав что-то злое. Однако упасть на землю она все же не успела. В последний момент Клейтон подхватил ее на руки, ударом ноги распахнул дверь, внес свою ношу в хижину и усадил на некое подобие каменной скамьи.

После этого он зажег свечу, и хижина озарилась тусклым светом. Внутри она выглядела не намного лучше, чем снаружи. Щели между бревнами были заделаны мхом, а окна занавешены чем-то вроде шкур.

Послышался стук сухих деревяшек – Клейтон стал бросать поленья в печь, стоявшую слева от скамьи, на которой сидела Оливия. Через несколько минут огонь разгорелся, стало заметно теплее, и Клейтон поставил на печку медный чайник. Затем взял Оливию за руку и, осмотрев руку, заметно помрачнел. Усевшись рядом со своей спутницей, он расстегнул на себе рубашку и сказал:

– Пожалуйста, положи руки мне на грудь.

– Что?...

– Я говорю, положи руки мне на грудь, если, конечно, не хочешь лишиться пальцев.

Оливия виновалась, хотя держать руки все время поднятыми было неудобно. Но куда же их положить? Не на живот же... Такое прикосновение было бы слишком интимным. Тогда уж лучше на пояс – по бокам.

Клейтон даже не вздрогнул от ее прикосновения.

Зато Оливию била дрожь. «Прости», – хотела сказать она, но ни губы, ни язык не желали шевелиться. Она только чувствовала волшебное тепло, исходившее от его кожи. Чудесное, живительное тепло.

Когда же ее пальцы согрелись, она почувствовала твердость его мускулов и увидела, как поднимается и опускается при дыхании широкая грудь Клейтона.

Он сидел совсем рядом. Так близко, что она могла положить голову ему на плечо. Но Оливия не поддавалась искушению.

Холод и его не пощадил. Кончики его ушей и нос были ярко-красными. А она отнимала у него тепло...

– Ты ведь тоже замерз. Может... – Она не знала, что собиралась ему предложить. – Ты можешь погреть руки под моим плащом. То есть под твоим... Я бы предложила тебе свой живот, но... На мне много нижнего белья, и туда трудно добраться.

Клейтон даже не улыбнулся. Подняв руку в перчатке, он проговорил:

– Я лучше подготовился к путешествию в Россию. Уже чувствуешь пальцы?

К сожалению, да, чувствовала. Они болели так, словно их все одновременно кололи иголками.

Оливия неуверенно пошевелила пальцами и несколько раз сжала кулаки.

Клейтон кивнул и, встав, быстро отошел в дальний угол.

– Я сейчас найду для тебя еще что-нибудь теплое. – Повозившись в темноте, он извлек откуда-то узел, испускавший резкий запах скотного двора. Достав из узла овчинный тулуп, Клейтон укрыл им Оливию. – Скоро станет тепло, – сказал он. – Эта печка очень хорошо греет. Она выпускает дым через ту скамью, на которой ты сидишь. Так комната согревается быстрее.

Очень скоро Оливия действительно почувствовала, как согревается под ней скамья.

– Думаю, ты все-таки не обморозилась, хотя была близка к этому. Вероятнее всего, у тебя просто облезет кожа. – Он достал из кармана ее листок бумаги. – А теперь не объяснишь ли ты мне, что это такое?

Оливия поморщилась.

– Это шифр. Аршун запланировал революцию, но ему нужна информация с этого листка, чтобы начать.

– Что здесь зашифровано?

Она покачала головой:

– Не знаю. Аршун тоже не знает. Шифр принадлежал человеку по фамилии Васин. Аршун сказал, что Васин внедрил своего агента в окружение императора. Неизвестно, кто этот агент и как с ним связаться. Но если граф взломает шифр и отдаст приказ агенту, то план осуществится и вся императорская семья будет убита. – Оливия не могла допустить, чтобы это случилось. – Ты сможешь взломать шифр?

Клейтон скрестил руки на груди и выпрямился; лицо же оказалось в тени, так что разобрать его выражение было невозможно.

– Почему революционеры похитили именно тебя?

– Они решили, что я шпионка, которую зовут Малышка – La Petit по-французски. Эта шпионка якобы может взломать шифр. Они сказали, что она уже делала это раньше.

– Малышка ничего не смыслит в шифрах.

– Но они мне так сказали, что она может... То есть что я могу. И еще они сказали, что она совратила их бывшего лидера, украла информацию и расшифровала ее.

– И теперь ты хочешь, чтобы это сделал я? – Голос Клейтона звенел от напряжения. Неужели он расстроился из-за того, что ей стало известно о его шпионском прошлом? Или ему не понравилось, что она попросила его о любезности? Но ведь эта любезность не для нее!

Оливия кивнула:

– Да. Потому что у меня ничего не получится.

– А что ты станешь делать, когда я взломаю шифр? Не безопаснее ли сжечь этот листок прямо сейчас?

– Нет! – Она вскочила, чтобы выхватить у Клейтона листок. – Ведь Малышка лишь один из возможных взломщиков шифра. У графа есть и другие копии этого документа, а также – другие специалисты. Так или иначе, но он все равно прочитает его.

– Поэтому тебе нужен я?

Глаза Клейтона метали молнии, но она понятия не имела, чем это вызвано. Да и хватит с нее непонятных намеков.

Она снова кивнула:

– Да. Я уже сказала об этом.

– А к кому ты пойдешь, когда я взломаю шифр?

Только теперь Оливия наконец поняла, в чем дело. Но неужели он действительно... Какая глупость!.. Не может же он думать... Нет, пожалуй, может.

– Ты считаешь, что я работаю на Аршуна? И мне поручено заманить тебя в ловушку, чтобы ты взломал шифр?

– Да, так получается.

Пощечина прозвучала оглушительно громко. Руку ее пронзило болью, но Оливии было на это плевать. Она должна была стереть мрачную уверенность с его наглой физиономии.

Заметив отчетливый отпечаток ладони на щеке Клейтона, Оливия почувствовала некоторое удовлетворение и спокойно проговорила:

– Они похитили меня, потому что ты привел их ко мне. Да, именно ты. Они решили, что я Малышка. Она из твоей компании, разве не так? – Неужели он даже не подумал о том, что ей, Оливии, пришлось пережить за последние две недели?

– Тогда почему ты невредима?

Да, очевидно, он не думал об этом.

– Невредима?... Разве не к моему горлу Аршун сегодня приставлял нож? – Она сбросила тулуп и плащ, продемонстрировав порез на шее и запекшуюся кровь. Потом показала руки, покрытые синяками и царапинами. – Две недели меня держали на судне связанной!

Оливия подняла с пола тулуп и надела его, оставив его плащ на полу. Пусть лучше она замерзнет до смерти, чем прикоснется к его одежде.

Клейтон не сводил с нее тяжелого взгляда. Если она надеялась, что ее гневная тирада заставит его раскаяться, то она жестоко просчиталась.

– Все твои раны – поверхностные, – ответил Клейтон.

– А может, ты считаешь, что я нанесла их себе сама?

– Я видел и такое. – Он с невозмутимым видом пожал плечами.

– Наверное, ты бы предпочел найти меня при смерти.

Клейтон снова пожал плечами.

– Во всяком случае, я был бы не удивился.

Оливия отвернулась к печке, не в силах смотреть на человека, которого когда-то любила.

– Судя по всему, ты считаешь меня слишком умной. Возможно, даже немного провидицей. Ведь я разработала хитроумнейший план на случай, если человек, которого я десять лет считала мертвым, воскреснет и появится в Лондоне.

– Они могли уже давно тебе сообщить, что я жив.

– Но если им нужен был ты, почему они не схватили тебя? Они же знали, где ты. Они следили за тобой.

– Им известно, что меня невозможно заставить работать на них.

– Ты в этом уверен?

Он не ответил и спросил:

– Откуда взялись деньги на новое оборудование для фабрики?

Резкая смена темы на какой-то момент ошеломила Оливию. Но она быстро пришла в себя и, вскинув подбородок, заявила:

– Это тебя не касается.

– Так откуда же?

Оливия молчала. Она не могла сказать правду. Продавая лондонский дом, который должен был стать ее приданым, она нашла в вещах отца пачку банкнот, но поклялась никогда их не использовать. А потом...

В общем, у нее не было выбора. Иным способом она не смогла бы спасти фабрику.

И опять-таки нельзя было утверждать с полной уверенностью, что эти банкноты – те самые. Они могли быть и из любого другого источника, а то, что все они оказались пятидесятифунтовыми... Совпадение?

Деньги, за которые «повесили» Клейтона.

Нет! Она не знала этого наверняка.

– Почему я должна отчитываться перед человеком, который хочет уничтожить фабрику?

– Потому что тогда, возможно, я начну тебе доверять.

– Мне не нужно твое доверие. – Не нужно сейчас. Вообще никогда. Клейтон ведь никогда не поймет причин ее поступков. Ее желания спасти город.

Однако потратить деньги, которые она нашла, – это было нелегкое решение. И сейчас, когда она смотрела на Клейтона, ей хотелось провалиться сквозь землю от чувства неуверенности и вины. А что, если это были именно те деньги?...

Что ж, если так, если это были деньги, незаконно напечатанные ее отцом, то, значит, она использовала их на помощь людям, поэтому, приняв такое решение, не должна казнить себя за это.

На лице Клейтона виднелись темные тени, словно он не спал много дней. В задумчивости потирая ладонью подбородок, Клейтон проговорил:

– Все, что связано с тобой, Оливия, странно и непонятно...

Он впервые после своего «воскрешения» назвал ее по имени, и знакомый голос, проносящийся ее имя, проник в самые потаенные уголки ее души, где Клейтон жил всегда.

Ей по-прежнему хотелось злиться на него, бранить за холодность и недоверие, но ужас, в котором она жила последние дни, постепенно оставлял ее, поэтому оставил и гнев.

– Десять лет я жила с мыслью, что на мне кровь. – Кровь, которая ее пометила. Кровь, которая жгла. Кровь, которая уничтожила ее наивность, лишила радости жизни, сделала ее отражение в зеркале уродливой маской. – Поверь, больше я этого не вынесу. – Ах, если бы он только мог поверить, что ее страдания настоящие.

Но Клейтона все еще одолевали сомнения. И эти сомнения переплетались с сожалением, образуя совершенно новую гамму эмоций, непривычную для него и крайне неприятную. Будучи агентом короны, ему приходилось делать ужасные вещи. Он выполнял приказы, после чего неделями не мог спать. Но он никогда не жалел об этом. Он не мог позволить себе такую роскошь, как неуверенность, ведь от нее – всего один шаг до слабости.

Однако сейчас, глядя на запекшуюся кровь на шее Оливии и на синяки от веревок, он испытывал неуверенность.

– Ох...

Клейтон замер.

– Что случилось?

Оливия покачала головой, но прикусила нижнюю губу и поморщилась.

– Нет, действительно ничего. Просто заноза. Щепка от забора. Сама виновата. Думаю, это плата за то, что я захотела встретиться с тобой в лесу.

Клейтон усадил ее себе на колени.

– Позволь, я посмотрю.

Через мгновение темная заноза была выдернута.

– Спасибо, – дрожащим голосом проговорила Оливия.

– Хм... Думаю, нужно сделать кое-что еще. – Он поднес ее пальчик к губам и поцеловал крошечное красное пятнышко. – Так лучше?

Клейтон сделал над собой усилие, пытаясь избавиться от непрощенных воспоминаний, но у него ничего не получилось. И все же он не желал признавать, что ему отчаянно хотелось заключить ее в объятия, хотелось поцелуями растопить замерзшие на ее щеках слезинки и заверить, что отныне и впредь все будет хорошо.

Но таким образом он бы показал, что она до сих пор имела над ним власть. А его учили, что нельзя быть доверчивым идиотом.

И ему вовсе не хотелось вмешиваться в шпионские игры. Министерство иностранных дел покончило с ним, а он покончил с министерством и не испытывал никаких сожалений. Просто принял к сведению, что все кончено.

Кстати, он не испытывал никакой любви к русскому царю. Этот человек приказал пытать Мэдлин, и прошли три долгих дня, прежде чем они с Йеном сумели ее вызволить. Однажды Клейтону довелось спасти жизнь самодержцу. Это свое деяние он считал ошибкой, и сейчас появился реальный шанс эту ошибку исправить.

Тут Оливия вновь заговорила:

– Так как же быть с шифром?

Клейтон молча пожал плечами, давая понять, что русские дела его не интересуют.

– Но ты по крайней мере сможешь мне отправить сообщение в Санкт-Петербург, чтобы я могла кое-кого предупредить? – упорствовала Оливия.

Дьявол! Он и так слишком долго этим занимался.

– Ладно, хорошо. У меня есть свои люди в порту. Мы сможем отправить сообщение, пока будем искать судно для возвращения в Англию. Устраивает?

Она медлила с ответом. Интересно, почему? О чем она на самом деле думала? Ему было жизненно необходимо убедиться в том, что Оливия не работала на революционеров.

– Ты доверяешь этим людям в порту? – спросила она.

Клейтон снова пожал плечами.

– По большей части.

– Тогда мы должны сами отправиться в Санкт-Петербург.

Вот! Чем не доказательство ее работы на революционеров? В противном случае сообщения было бы достаточно.

– Революционеры будут тебя искать, – заметил он.

Рука ее дернулась к ранке на горле, но тут же опустилась.

– Я не отступлю и не позволю им совершить убийства, – заявила Оливия.

– Ты не хочешь остаться в живых?

Она уже открыла рот, чтобы огрызнуться, но передумала и проговорила:

– Если есть шанс, что мы сможем взломать шифр и спасти человеческие жизни, надо попробовать. А когда наш корабль выйдет в Балтийское море, взламывать шифр уже не будет смысла.

Клейтон не брал на себя обязательства носиться по Европе, оказывая помощь британским союзникам. Может, лучше передать шифр одному из британских шпионов в Санкт-Петербурге? Но ведь у него имелась возможность предотвратить хладнокровное убийство...

– Это теперь не моя война, – буркнул он.

– Я думала, ты стремишься к справедливости.

– Только в отношении себя. – Клейтон подождал, пока его слова дойдут до нее, и не почувствовал ничего, заметив ярость в ее глазах.

– Ты позволишь им умереть?

– Я приехал сюда не за ними.

– А за кем?

На языке вертелось множество ответов, но все же он решил сказать правду.

– За тобой.

– Но почему? – совершенно искренне удивилась Оливия. Только сейчас Клейтон заметил глубокие тени у нее под глазами. – Ты же меня не любишь!

Ему хотелось разуверить ее. Хотелось извиниться за грубость и сказать, что его единственно желание – увидеть ее в безопасности. Но все же он пробурчал:

– Необходимо обработать твои раны. – Возможно, когда он сумеет согреть ее и оказать медицинскую помощь, к нему вернется способность логически мыслить.

Клейтон достал бинты и мазь – все это он принес в хижину заранее – и налил воды из чайника в глиняную миску. Затем снял перчатку с левой руки и как следует выжал тряпочку, которую опустил в воду. Он не собирался снимать перед Оливией правую перчатку – решил, что лучше этим заняться после того, как она уснет. Ему не хотелось, чтобы она видела, какой уродливой стала его правая рука.

Оливия потянулась за тряпочкой.

– Я сама о себе позабочусь.

Неожиданно выяснилось, что Клейтон не мог заставить себя отдать ей тряпицу.

– Я все сделаю.

– Я бы предпочла, чтобы ты ко мне не прикасался.

На это Клейтону нечего было возразить, и он подчинился.

Оливия приложила тряпицу к ранке на шее. И тут же поморщилась и отвернулась – ткань была довольно-таки жесткой. Но она не издала ни единого звука, так как твердо решила, что не позволит Клейтону увидеть ее слабость.

Чтобы чем-то себя занять, он отыскал спрятанную заранее фляжку с водкой. Этот огненный напиток мог прожечь дыру в желудке, но Клейтон знал, что водка поможет снять боль и уснуть.

– Выпей это, – сказал он Оливии.

Она глянула на него через плечо.

– Если все эти раны – моих рук дело, то разве я не заслуживаю страданий? – Ее голос был звонким и слегка насмешливым.

– Нет. – Он должен был что-то сделать, чтобы напряжение покинуло ее. Чтобы руки у нее перестали дрожать. Проклятие, почему она не берет фляжку?!

– А это не убьет меня?

– Вероятно, нет. Но точно ослабит боль. – Клейтон стоял перед ней, протягивая ей фляжку.

– Твою боль или мою?

– Обе.

Тут в ее глазах вдруг вспыхнули веселые огоньки, и она спросила:

– Ты так и будешь держать эту штуку в протянутой руке, пока я ее не возьму?

– Или пока моя рука не отвалится. – Это была шутка. Клейтон не смог бы вспомнить, когда в последний раз шутил. – Возьми же ее наконец.

Оливия взяла фляжку. Когда же она, сделав глоток, зашла в кашле, он инстинктивно похлопал ее по спине. Только почему-то его хлопки сразу стали нежными и закончились поглаживанием. Он убрал руку только тогда, когда дыхание у нее выровнялось.

Когда же Оливия подняла голову, выяснилось, что на чистой коже рана стала более заметной и казалась более опасной.

Клейтон протянул ей баночку с мазью:

– Нанеси это на горло и на запястья.

Она отдала ему тряпочку и взяла мазь. Затем, снова отвернувшись, стала мазать раны. И при этом опять не издавала ни звука, хотя прикосновение жгучего лекарства вряд ли было приятным.

Но если ее цель – заморочить ему голову и заставить взломать шифр, то почему же она отворачивалась? Ей же необходимо разжалобить его, вызвать к себе симпатию, не так ли? Клейтон знал от Мэдлин, что симпатия – самый распространенный и действенный инструмент агентов-женщин.

Знать-то он знал, но прочувствовал это только сейчас, глядя на страдания Оливии.

Приступив к обработке запястий, она чуть наклонилась, и над воротом тулупа обнажилась небольшая полоска белой кожи. Когда-то он прикоснулся к этому месту – запускал пальцы в ее шелковистые волосы на затылке и привлекал к себе, чтобы поцеловать.

Клейтон попытался думать о чем-нибудь другом, но воздух в хижине был наполнен запахом травяной мази и паром из чайника, поэтому от воспоминаний избавиться никак не удавалось. Ведь тогда воздух тоже был наполнен паром...

Он увлек ее за один из чанов в цеху.

– В чем дело, Клейтон? – Ее глаза были распахнуты, а губы чуть приоткрыты, и он не мог отвести от них глаз.

– Ты действительно имела в виду то, что написала в письме?

– Что я мечтаю о поцелуе?

Он накрыл ее губы своими, желая выпить признание до дна.

Тогда Клейтон знал: через несколько минут отец обнаружит отсутствие Оливии и начнет ее искать. Это был их первый поцелуй. Неловкий и неумелый. Но в его жизни не было больше ничего столь же сладостного.

– Клейтон...

Моргнув, он вернулся к действительности. Оливия протягивала ему мазь. Убрав баночку, он взял бинты.

– Оливия, я... – Он откашлялся. – Будет проще, если я сам забинтую тебе руки.

Она отвела глаза и молча кивнула.

Клейтон быстро и умело сделал перевязку. Он старался не дотрагиваться до нее, но даже самое легкое случайное касание вызывало прилив крови к паху. Надо было и на левой руке оставить перчатку.

Молчание было неловким. Хотя после их слишком уж бурного общения несколько минут назад иначе и быть не могло. Но одну только неловкость Клейтон мог бы проигнорировать. Нет, было что-то еще, заставлявшее ее нервно облизывать губы, а его – ласкать взглядом нежную розовую кожу Оливии.

Она подняла глаза. Клейтон тут же завязал последний узелок и отвернулся.

– Спасибо тебе, – проговорила она. – За все... это. И за то, что ты меня спас. – Ее слова, прозвучавшие очень тихо, казались попыткой преодолеть то, что их разделяло, – они были словно рука, протянувшаяся, чтобы вытащить его из темноты.

И он принял эту руку.

– Если будешь накладывать эту мазь два раза в день, утром и вечером, заживление пойдет быстрее и шрамов почти не останется.

– Как это – почти?

Клейтон отвернул правый рукав – повыше запястий были видны только бледные полоски, оставшиеся после трехнедельного пребывания в кандалах.

Он дернулся, когда Оливия провела пальцами по шрамам в том месте, где они исчезали под перчаткой. Зачем он показал ей их? На всякий случай он отвел руку за спину.

– Ты их получил, когда сидел в Ньюгейте?

– Нет. Это подарок из Франции. – Клейтон заставил себя взглянуть в глаза Оливии. Следовало смотреть на нее и не думать о ее сострадании, о ее беспокойстве.

Его мать тоже беспокоилась за него. Правда, только тогда, когда появлялась дома. А потом сбегала с очередным любовником.

– Ты был шпионом все те годы, что отсутствовал?

– Да.

– Это было...

Волнующе? Жестоко? Трудно? Какое слово она выберет? Впрочем, какая ему разница? Но Оливия так и не договорила. Помолчав, она спросила:

– Мы останемся здесь на ночь?

Клейтон кивнул. Он соорудил для нее некое подобие кровати, поместив ее как можно ближе к печи.

– Утром мы отплывем в Англию.

Она скрипнула зубами, но послушно устроилась на «кровать».

– Не так я представляла нашу первую ночь вместе, когда была юной.

– Спи.

Он дождался, когда ее глаза закроются. Надо же, он забыл, какие у нее длинные ресницы. Почти касаются щек. Когда же дыхание Оливии стало ровным и спокойным, он приступил к процессу снятия перчатки со своей правой руки.

Перчатка намокла после ночной скачки. Если он позволит ей высохнуть, то не сможет снять вообще.

Оливия не знала, что шрамы от кандалов – это сущие мелочи. Клейтон опустил перчатку ниже, обнажив длинный и глубокий горизонтальный шрам у основания ладони. Там палач терзал плоть и развлекался, играя с сухожилиями, отчего пальцы Клейтона конвульсивно дергались.

Во время пыток только мысли об Оливии помогли ему сохранить рассудок. Но признавал он этот унижительный факт только наедине с самим собой, темной ночью. Ведь только слабый человек мог упорно вспоминать о женщине, предавшей его. Только слабый мог любоваться ею спящей и сгорать от желания убрать упавший ей на лицо непослушный локон. И только слабый станет вскакивать, когда она тревожно заворочается во сне...

Клейтон отошел в другой конец хижины. Нет, он не слабый. Он поклялся, что не позволит Оливии сделать из него марионетку, и он сдержит свою клятву.

Клейтон достал из саквояжа новую пару перчаток. Конечно, они были сделаны из жесткой кожи грубой выделки, а не из тонкой английской лайки, но за неимением ничего другого и эти подойдут.

Ему придется выяснить, кто догадался, что Клейтон Кэмпбелл – это Шифровальщик, а потом попытаться установить и личность Малышки. Мэдлин недавно родила своего первенца. Маленькую девочку назвали Сюзи. Мэдлин сто раз заслужила мирную спокойную жизнь, и он не допустит, чтобы с ней случилось несчастье.

Аршун получит ответы, которые ему так нужны. Он, Клейтон, позаботится об этом.

И отомстит графу за кровавые отметины на нежной коже Оливии.

Аршуна не было в доме.

По словам перепуганного лакея, которого Клейтон вытащил из теплой постели, граф и его соратники уехали сразу после бегства Оливии. Затаились в норах, мерзавцы.

Аршун скорее всего отправился в Санкт-Петербург. Если он планировал нанести удар по царской семье, туда ему была прямая дорога.

Клейтон выругался и достал из кармана кремень. Что ж, Оливия получит свое путешествие в Санкт-Петербург. Ему необходимо удостовериться, что Мэдлин в безопасности. Для этого он был готов на все.

Уничтожить группу революционеров.

Даже спасти проклятого царя.

Клейтон выложил к бочонку дорожку из пороха. Что ж, по крайней мере поездка оказалась не совсем напрасной. Перепуганный Аршун слишком торопился и оставил оружие в доме.

Оставшиеся слуги сбежали в деревню и даже не пытались остановить Клейтона. В пристройке обнаружилось около сотни ружей, и Клейтон с большим удовольствием воспользовался шансом лишить графа этого арсенала.

Он поджег порох. В конце концов, в любой работе есть приятные моменты.

Глава 8

Оливия наблюдала, как Клейтон подходит к старому горному пони, нервно переступавшему с ноги на ногу перед телегой. Животное было совершенно невообразимой масти. Создавалось впечатление, что кто-то пошутил, беспорядочно разбрызгав коричневую, серую и белую краску по его косматой шкуре.

Забавное существо раздраженно фыркнуло. Оливии показалось, что из его ноздрей вырвались маленькие белые облачка.

Клейтон принялся гладить пони, одновременно приговаривая что-то по-русски. Насколько Оливии удалось разобрать, он объяснял животному, что скоро пойдет снег.

Уши пони дважды дернулись, но вскоре животное успокоилось. Клейтон осторожно снял кусочки льда, прилипшие к его морде. Сейчас перед Оливией снова был Клейтон-юноша, которого она когда-то знала. Терпеливый. Добрый. Заботливый. Он все еще существовал, хотя Клейтон-мужчина, вероятно, запрятал его куда-то очень далеко.

– Почему ты передумал и все же решил отвезти меня в Санкт-Петербург? – спросила Оливия. Она все утро собиралась задать этот вопрос, но постоянно откладывала. Тем не менее она должна была услышать ответ.

Он надвинул на лоб грубую шапку из овчины. Даже в простой русской одежде Клейтон не был похож на крепостного крестьянина, хотя, очевидно, именно это было задумано. Но этот наряд странным образом подчеркивал суровость лица и твердый взгляд Клейтона.

– Я должен выяснить, как Аршун меня вычислил, – ответил он.

Оливия облегченно вздохнула.

– Значит, это не потому, что я попросила?

– Нет. – Он достал из кармана морковку.

– Слава Богу! – воскликнула Оливия.

Он посмотрел на нее с удивлением. Его рука с морковкой замерла в нескольких дюймах от носа пони.

– А я-то думал, что ты всегда предпочитаешь находиться в центре внимания.

Пони дернулся к морковке и схватил ее. Телега чуть-чуть продвинулась вперед.

– Уже нет, – ответила Оливия. Теперь она делала только то, что должна была делать, даже если никто об этом не знал.

– Трудно поверить, – пробормотал Клейтон. Он забрался в телегу и устроился рядом с Оливией. Старая крестьянская повозка была рассчитана только на одного человека – кучера, поэтому они оказались тесно прижатыми друг к другу, и тот факт, что их тела разделяли плотные слои одежды, похоже, никак не повлиял на интимность момента. По крайней мере для Оливии. Клейтон же, судя по всему, ничего не заметил.

– Не вижу способа переубедить тебя, не подтвердив твое мнение обо мне, – продолжала Оливия. – Ведь если я расскажу, какие добрые дела я сделала, не ставя их себе в заслугу, то получится, что я поставлю их себе в заслугу.

Клейтон сунул правую руку за под тулуп, надетый поверх плаща.

– Ты могла бы сказать мне правду. Почему ты так стремишься в Санкт-Петербург.

Правду? Как она могла ее сказать? Ведь тогда Клейтон возненавидит ее еще сильнее, если такое вообще было возможно.

Правда же заключалась в следующем: она хотела остаться в России, чтобы задержать здесь его. Подальше от фабрики. И если ей удастся задержать его хотя бы ненадолго, на фабрике накопится достаточно денег, чтобы оплатить долговые расписки, ему принадлежавшие. До похищения ей удалось договориться о некотором количестве новых контрактов, так что

в ее отсутствие фабрика продолжит работать. В отличие от отца она знала цену хорошим клеркам. Они будут все держать под контролем до ее возвращения.

Но рассказать об этом Клейтону Оливия не могла. Ведь тогда он может передумать и поспешит в Англию, чтобы покончить с фабрикой.

Да, ею руководили корысть и расчет, но это был единственный шанс спасти фабрику.

– Я же тебе уже говорила, что хочу попытаться спасти царя, – пробормотала Оливия.

Она действительно хотела спасти царя – желание было вполне искренним. Восемь лет она делала все возможное и невозможное, чтобы добрыми делами заслужить отпущение главного греха своей жизни – своего участия в том, что произошло с Клейтоном. И теперь, если она могла спасти чью-то жизнь, то хотела во что бы то ни стало это сделать. «Смерть» Клейтона стала душевной раной, которая так и не зажила.

Прислушиваясь, Оливия ждала у двери своей спальни с сумочкой в руке. Ей удалось распахнуть дверь как раз в тот момент, когда мимо проходил отец.

– Папа!

Он резко повернулся к ней – в руке трость, лицо же – скорее удивленное, чем сердитое. Возможно, хоть сегодня папа сумел понять, что пришел к неверным выводам относительно Клейтона. Ведь не он, а кто-то другой в ответе за преступления на фабрике.

– Иди спать, детка, – сказал отец и похлопал ее по щеке.

– Я иду с тобой в суд, папа. Мне необходимо увидеть Клейтона.

Лицо отца покраснело.

– Никуда ты не пойдешь.

Оливия всегда слушалась отца. Так было правильнее... и безопаснее. Прошлым летом отца укусила его любимая лошадь. Несчастное животное в тот же день пристрелили.

Но теперь-то речь шла о Клейтоне!

– Нет, я пойду!

Она оказалась на полу раньше, чем поняла, что произошло. Отец ударил ее по ногам тростью.

Она стала растирать ногу. Неужели отец ударил ее? Ведь он ни разу не поднял на нее руку после того, как она вышла из школьного возраста.

Оливия сдержалась и не расплакалась. Она должна была все объяснить отцу. Наверное, он просто чего-то не понял.

– Папа, Клейтон невиновен. Я это знаю точно. Я должна сказать...

Острой болью обожгло плечо. Оливия расплакалась.

– Этот парень – преступник. Он использовал тебя и лгал тебе. Он попытался использовать тебя против меня, чтобы отобрать фабрику. Ты останешься дома. Я не позволю, чтобы твое имя связали с именем этого сукина сына.

Он снова поднял трость, а Оливия попыталась защитить руками лицо. Но они очень уж сильно дрожали. Она собралась с силами, чтобы снова заговорить, хотя и понимала, что ничего не добьется, а отец опять ударит ее. Наверное, сейчас он ждет извинений за то, что она его разозлила.

Физиономия отца побагровела от ярости.

– Вернись в постель!

Ничего, сейчас она встанет и пойдет в суд после того, как он уйдет.

– Если я увижу тебя в суде, пожалеешь!

Но Оливия твердо решила, что Клейтон будет не один. Судья обязательно узнает правду. Он разберется. Иначе и быть не может. Отец ошибается насчет Клейтона. И на суде правда выплывет наружу.

С Клейтоном все будет хорошо.

– Да, я хочу спасти царя, хочу предупредить его, – повторила Оливия.

– Значит, ты не хочешь сказать мне правду, – констатировал Клейтон.

– Но это правда.

– Возможно. Но уж точно не вся.

Неужели у нее все написано на лице? Впрочем, она никогда не умела скрывать от него свои мысли.

– Ты появился и стал угрожать моей фабрике. Прости, но это не побуждает к откровенности.

Телега подпрыгнула, наехав на корень дерева, и Оливия, чтобы удержаться, инстинктивно ухватилась за Клейтона. Она тотчас почувствовала, как напряглось его тело. И он отодвинулся от нее, насколько это было возможно.

– Ты постоянно мне лжешь, что-то скрываешь. Но при этом хочешь меня убедить, что фабрику надо спасти?

Да, именно поэтому она старалась его задержать.

– Сэм Гейнс, четырнадцатилетний парнишка из деревни, был повешен в Лондоне за кражу буханки хлеба. Ты должен помнить его отца, Дугласа. Он работал на фабрике в одно время с тобой.

Клейтон пожал плечами:

– И что же?...

Ох, как же заставить его понять ее мотивы?

– После этого викарий сказал, что если бы у парней была работа, державшая их на одном месте, то их можно было бы уберечь от подобной участи.

Клейтон молча поднял воротник тулупа, чтобы защититься от пронизывающего ветра. Потом пробурчал:

– Этот аргумент доказывает лишь то, что твоему отцу наплевать на людей.

Оливия скрипнула зубами.

– А после обновления фабрики в городок переехало двенадцать новых семей. Супруги Диплоу убедили своих сыновей остаться в городке и работать на фабрике. Викарий наконец смог залатать дыру в крыше церкви. Я знаю, ты помнишь викария. Он давал тебе книги.

– Я помню, как меня среди ночи вытащили из постели и бросили в загаженную камеру. Еще я помню, как меня избili охранники и сломали ребро. И помню, как другие узники попытались раздеть меня, когда я катался по грязному полу и выл от боли. – Голос Клейтона оставался совершенно спокойным, а на лице не дрогнул ни один мускул.

Оливия не хотела знать эти ужасные подробности. Но они были ей нужны. Ей до сих пор снились кошмары о том, что пришлось пережить Клейтону. Возможно, теперь их вытеснят новые образы. Но по крайней мере она будет точно знать, какие из образов реальные, а какие – вымышленные.

– Мне очень жаль, Клейтон.

– Ты же знаешь, я не верю в извинения.

– Тогда что я должна сказать?

– Ничего. Я просто констатировал факт.

Нет, это неправда. И она не позволит ему притворяться. Вероятно, он прячет свои истинные чувства где-то очень глубоко, но они все же существуют, хочет он того или нет.

– Тогда зачем ты мне все это рассказал? Чтобы я испугалась и замолчала?

– Но это вовсе не...

– Или ты хочешь, чтобы я сполна прочувствовала свою вину?

После короткого молчания Клейтон ответил:

– Нет.

– Однако ты добился именно такого результата. Тебе нравится считать, что я хладнокровная предательница, хотя это не так. Когда ты рассказываешь подобное, у меня сердце разрывается. Я бы отдала все, чтобы избавить тебя от этого.

Левая рука Клейтона крепко сжала поводья.

– Я сказал тебе все это с единственной целью: ты должна понять, что твои сентиментальные чувства относительно фабрики на меня не действуют.

Похоже, что так оно и было. Иначе реакция была бы другой, не такой... своеобразной. Оливия поняла, что больше настаивать нельзя. В противном случае он ожесточится и вообще не станет ее слушать. Она решила сменить тему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.